Национальный манифест

Москва
2009

Издательство «Клиония»
109029, Москва, Михайловский проезд,
д. 3, строение 13
www.nmanifest.ru

ISBN 978–5–9900737–4–6

Подписано в печать 27.08.2009.
2–е издание, дополненное
Формат 60x90/16
Печать офсетная
Тираж 1000 экз.

1. Нации и олигархия

1.1. Интервенция зла

Мировая война не закончилась, когда замолчали пушки. Она лишь отступила в тень, прикрывшись миролюбивой риторикой и гуманными намерениями. Агрессор сменил стратегию: вместо физического истребления народов и государств он занялся уничтожением народной души, рассудка политиков, разума мыслителей, веры, верности, любви, чести – всего, что составляет достоинство человека и складывает из отдельных людей нации. Убивая дух нации, агрессор стремится остановить историю, задержать ее в тот момент, когда ему удалось подчинить и обратить в рабов самые свободолюбивые и творческие народы. Имя агрессору – мировая олигархия. Сущность ее – мировое зло.

В тиши кабинетов и вдали от фронтов мировых войн, а затем и «холодной войны», занявших весь XX век, под покровом пропагандистской перестрелки «противоположных формаций», отвлекавшей нации от преодоления реальных проблем, был подготовлен новый план-заговор, по которому сложившаяся в XX веке мировая финансово-политическая олигархия и ее сторонники в господствующих группировках ведущих мировых держав пытаются обеспе-

чить свое доминирование, подавляя нации и разрушая суверенитет государств.

Против свободы наций сегодня ведется мировая война с целью утверждения, сохранения и усиления господства олигархии, в которой наемные отряды лицемерных писак и циничных демагогов применяют самые изощренные, вероломные и подлые приемы и методы, выступая под знаменами с лозунгами «общечеловеческих ценностей», «здравого смысла», «любви к свободе». Когда эти виртуальные армии исчерпывают в конце концов средства воздействия, их сменяют финансовые и торговые агенты, призванные обращать в прах экономический потенциал стран, которые они выбрали в качестве жертвы, или, если представляется подходящий момент, призываются оккупационные вооруженные силы. Последние вступают в дело, чтобы железом и кровью, уже окончательно, утвердить в той или иной точке земного шара «безграничную справедливость», не останавливаясь и перед широкомасштабным, устрашающим использованием «литого свинца».

Не «ценности», «смысл» и «свободу» несут народам новоявленные спасители человечества. «Гуманитарные» интервенции уже несколько десятилетий оборачиваются по отношению к народам, «освобождаемым» от «средневековья», «тоталитаризма» или «отсталости», беспощадной эксплуатацией, обнищанием, утратой независимости, закабалением и оккупацией. «Горячие» войны сохранились как дополнительное подкрепление «гуманитарных» операций; они носят кратковременный или локальный характер. Зато не прекращаются ни на день, ни на минуту и приобрели перманентный и всеобщий характер информационные войны, объектом которых являются массовое сознание, мировоззрение, образ жизни.

1.2. Господство бюрократии

Бюрократия узурпирует политическую власть, отбрасывая исторические традиции служилого сословия, для которого интересы нации и государства были превыше всего. Крупнейшие корпорации, переходя от производства к ростовщичеству и спекуляции, превращаются в плутократию, присваивающую себе практически весь прибавочный продукт, создаваемый предпринимательским сословием и трудом наемных работников. Бюрократия и плутократия, порабощая нацию, заставляя ее жить без развития, терпеть монополизм и нелепые правовые установления, создают олигархию – власть немногих, венчающую пирамиду нового рабовладельческого порядка. Вместе с узким слоем либеральной интеллигенции олигархия, используя любые методы принуждения, стремится заставить нации признать свое господство и подчиниться своей идеологии – глобализму.

Ни монархическая, ни республиканская формы правления не сумели противостоять перерождению чиновничества и воспрепятствовать захвату этой новоявленной кастой основных рычагов управления. Государству, представляющему собой в сущности политически организованное общество, невозможно обойтись без органов управления. В естественном порядке самоуправляющиеся структуры общества остаются самодеятельными и самодостаточными и не вмешиваются в дела высших государственных институтов. Но с ослабеванием ведущих сословий на место главенствующего слоя общества стремится чиновничество, а самоуправляющиеся институты ослабевают и исчезают.

Так случилось, что нации, рожденные из гражданской солидарности, самоуправления и «ежедневного плебисци-

та», были сначала брошены в мясорубку мировых войн, а потом, когда цвет наций был погублен, когда на фронтах полегли верные сыны своих Отечеств, бюрократия захватила власть и открыла путь для образования мировой олигархии. XXI век показал, что не имело значения, под какими лозунгами – либеральными или под социалистическими – произошло порабощение наций. Различия между режимами нивелировались, мировая олигархия стала очевидной реальностью.

Если чиновник использует свои должностные полномочия для личного обогащения, игнорирует идеалы и интересы нации, если чиновничество становится корпорацией с внутренней «этикой» и солидарностью, отличной от общегражданской, все формы правления сводятся к одной – бюрократической. Пораженная вирусом коррупции и измены, бюрократия стремится присвоить себе монополию на власть и уйти от ответственности перед народом, народным представительством, национальной элитой и государем. Наиболее циничная часть бюрократии в XX веке монополизировала управление государственными активами, обратила их в свою собственность.

Две мировые войны и продолжавшаяся более полувека «холодная война», в которые практически были втянуты все государства планеты, довели этот процесс до логической развязки – до формирования глобальной олигархии. Пока нации изводили друг друга на фронтах больших и малых войн, бюрократия действовала подспудно, но в «холодной войне» ослабленные нации были принуждены бюрократией к существованию в режиме чрезвычайного положения. Это позволило многократно увеличить численность чиновничества и свести к минимуму роль народного представительства. Нация стала во всем зависимой от бюрократии. Напротив, кредитные ин-

ституты приобрели невероятную самостоятельность, подмяв под себя производящие отрасли и превратившись из обслуживающих институтов в главенствующие. Пока бюрократия держала нации в узде, жрецы «золотого тельца» образовали глобальную финансовую систему, а вместе с ней сложилась в нынешнем виде и глобальная олигархия.

После распада социалистического лагеря стан глобалистов расширился за счет бюрократии компартий, присвоившей себе национальное достояние прежних социалистических государств. Мировая олигархия готова рекрутировать в свои ряды изменников самых разных идеологических направлений. Сдача национальных интересов и создание «открытых» экономик, легко разграбляемых глобалистами, происходили в расчете на участие изменников в мировом олигархическом «клубе». Чем решительнее происходил разрыв с собственной нацией, тем больше шло сближение с мировой олигархией.

Выход крупных капиталов из-под контроля наций, сращивание бюрократии с ростовщичеством и разворачивание невероятной пропагандистской машины, обрушившей на человечество комплексы и фантазии либеральной интеллигенции, привели к образованию самой грозной и жестокой силы – альянса глобалистов, решивших, что утверждение их господства означает «конец истории» и закрепление сложившегося порядка до скончания веков.

1.3. Олигархический культ

С ветхозаветных времен «золотой телец» источает соблазны, порабощающие людей. XX век, отрекшись от традиций, спалив в мировых войнах и революциях старинные

обычаи и моральные нормы, превратил поклонение «тельцу» из верования тайной секты в открыто исповеданную «религию». Народы и государства уверились, что можно построить свое благополучие, управляя денежными потоками. Все, кто не поклоняется культу денег, выставляются теперь как дикари или ретрограды.

Развитие средств коммуникации обеспечило новоявленным жрецам широчайшие возможности для пропаганды своей «веры». Средства массовой информации стали их главным оружием. Свобода слова утонула в потоках славословия «золотому тельцу» и в проклятиях, высмеивании и лжи в адрес тех, кто еще не поклонился ему. Свобода слова обернулась свободой обслуживать власть и принимать от нее знаки уважения и денежное вознаграждение. Бюрократия и «свободная пресса», отбросив сентиментальность и порядочность, утверждают новые эталоны поведения людей, необходимые для формирования олигархического капитала. Деньги становятся единственным критерием успеха и достоинства личности.

Олигархия неизменно опирается на «левые» идеи (то социалистические, то либеральные), чтобы соблазнить людей теоретической возможностью делить национальное достояние на всех поровну или присваивать себе его несообразно большую долю в разного рода частных авантюрах. В обоих случаях – соблазн состоит в том, чтобы меньше трудиться и больше потреблять. В результате нация производит все меньше, а львиная доля потребления приходится на олигархические кланы. Тем временем пропаганда превращает граждан в холопов, лишенных возможности распоряжаться своей судьбой, а всех, кто выступает за государственные интересы, за сохранение и развитие нации, обвиняют в самых немыслимых и отвратительных замыслах: в стремлении к физическому истреблению лю-

дей и даже к развязыванию войн, в которых должно погибнуть все человечество. Так вор кричит: «Держите вора!», чтобы самому ускользнуть от ответственности.

Средства массовой информации, подконтрольные плутократии или правительствам «свободных держав», их исполнительным комитетам, последовательно и постоянно дискредитируют и шельмуют священников и философов, мыслителей и писателей, политиков и общественных деятелей, публицистов и полководцев, идеологии, доктрины и партии – словом, всех, кто открыто выступает за честь и достоинство своего народа, и всё, что способствует национальному самосознанию. Для этого хороши любые средства: заткнуть рот, запугать, ограничить или лишить возможности участия в общественной деятельности, создать непреодолимые препятствия в использовании печати, телевидения или радио, сфабриковать вздорные обвинения.

Бюрократии, плутократии и олигархии выгодно одобрять или поощрять деятельность только тех публичных деятелей, которые обслуживают их интересы и морочат людям головы давно выхолощенными и безнадежно устаревшими политическими лозунгами, идеями, концепциями и догматами. Сегодня в новой пропагандистской упаковке нациям навязывают некоторые политические теории XIX века, которые теперь совершенно лишены связи с действительностью и служат только одному: дезориентации граждан.

1.4. Методы порабощения

Главный противник мировой олигархии – народы и нации с их религиозной и культурной самобытностью и государственными интересами. Ей же удобны только атоми-

зированные индивиды, не способные к самоорганизации и тем более к сопротивлению своим поработителям. Поэтому олигархия враждебна любым проявлениям народной самобытности, национальных идеалов и государственных интересов. Именно этим объясняется повсеместное стимулирование ею миграции: оседлые, коренные народы, создавшие государства и национальные правительства, она, где только ей это удается, «разбавляет» переселенцами с иной культурой, требуя от «туземцев» по отношению к ним «толерантности». Между тем толерантность – это отказ от собственной народной и национальной идентичности и усвоение некой «общечеловеческой морали», приемлемой для олигархов. Но какая мораль может быть у тех, кто принципиально аморален?

Государства, сохранившие национальную идентичность и политическую независимость, отстаивающие суверенитет и экономическую самостоятельность, являются для олигархии первейшими врагами. В то время как из порабощенных олигархией стран формируются агрессивные коалиции и развязываются войны против суверенных государств, подконтрольные ей СМИ обеспечивают необходимую агитацию и пропаганду, обосновывая и оправдывая творимую несправедливость.

Эпоха Просвещения обещала свободный мир всем, но свобода досталась лишь немногим. Избирательные системы превратились в инструмент бюрократии, которая предлагает гражданам выбирать между «плохим» и «очень плохим». Такова ее версия свободы.

То же самое происходит и в экономике. Для порабощения народов созданы законы, подавляющие как экономическое, так и политическое развитие. Разработанные международными организациями «всемирные правила торговли» стали подавлять национальное предпринимательст-

во. Преференции получил бизнес, призванный размывать национальную природу собственности и национальные границы. Перемещение дешевых трудовых ресурсов привело к подавлению традиционных отраслей производства, подорвало моральные устои предпринимательства и отношений между работником и работодателем, разрушило трудовую этику. Рабский труд – малокультурный и малопроизводительный – сочетается с монополией, позволяющей использовать самую современную технику, чтобы исключить ученого, инженера и мастера из процесса производства. Целые отрасли национальных экономик жертвуются в пользу «отверточных производств». Транснациональные корпорации, принадлежащие олигархии, злоупотребляя искусственным правом интеллектуальной собственности, присвоили все технические достижения, накладывая запрет на их использование и тем самым препятствуя прогрессу.

Политика при такой организации хозяйственной жизни неизбежно приобретает имитационный характер. Для поддержания в народах убежденности в том, что их правительства отстаивают государственные интересы, олигархия то и дело инициирует публичные кампании под патриотическими лозунгами и развязывает локальные войны с заведомо предрешенными результатами, оправдывая свою деятельность патриотической риторикой и требованиями свободы и справедливости для всего мира. При этом легитимируются марионеточные правительства, во всем послушные секте «золотого тельца» и интересам олигархии, которая присваивает богатства, создаваемые потом и кровью порабощенных народов.

Чтобы держать народы в покорности, олигархия использует старое как мир средство – удовлетворение низменных запросов масс. «Хлеба и зрелищ» – эта формула

проверена веками. В наше время бои гладиаторов на аренах заменили спортивными соревнованиями и шоу на стадионах и на телеэкране. Сытый голодного не разумеет, и ему кажется невозможным наступление трудных времен для него самого. Голодный же, получая «пайку» хлеба, готов забыть, что этой подачкой у него покупают право распоряжаться всеми богатствами не только нынешних, но и будущих поколений, лишают нацию даже минимального шанса на достойное существование. Разложение нации материальными соблазнами ведет ее к культурному и экономическому упадку, к демографической катастрофе, к утрате государственности.

1.5. Иллюзии и суррогаты

Круг тех, кто имеет доступ к колоссальным ресурсам – практически ко всему, что создано человечеством или обнаружено им в земных недрах, – замкнулся. Капиталы наращиваются за счет ростовщического оборота и спекуляции, предметом которой являются готовые товары и природные ресурсы. Этот «бег по кругу» сплотил мировую олигархию, которая сама или через своих агентов в странах, где управление считается демократическим, вращается вместе с капиталами, перетекая из политики в экономику и обратно, конвертируя власть в деньги и за деньги покупая власть.

Псевдодемократические процедуры навязываются народам, а за кулисами политической сцены, превращенной в балаган, процветает олигархическое правление, не ставящее мнение народа ни в грош. Иллюзия «свободного рынка» и «демократии» призвана обеспечить легальные формы расхищения национального достояния и порабощение производственного капитала, который вынуждают

отдавать ростовщикам, посредникам и спекулянтам практически весь прибавочный продукт. Реальный сектор экономики, занятый непосредственно производством, воспринимается олигархией как нечто чужеродное, что до поры приходится лишь терпеть. Но при любом удобном случае создается необходимая законодательная база, отнимающая у этого «крепостного» современности все, что он сумел накопить и что смог заработать.

Грабитель, ненавидя ограбленного, будет публично лить слезу умиления, объясняя публике, собравшейся у экранов телевизоров для очередного «промывания мозгов» и уже отвыкшей отделять правду от лжи, как он старается для всеобщего блага. Собственное производство, национальная независимость и государственный суверенитет оказываются меньшей ценностью, нежели рекламные суррогаты – товарное изобилие магазинных прилавков, иллюзия демократического курса «партии власти», материальные признаки растущего индивидуального благополучия… Все это есть в ведущих странах мира, и все рухнет в одночасье, как это уже было в истории человечества, чтобы закулисные игроки могли проклясть своих противников и начать свою игру снова.

1.6. Альтернатива

События XX века дали возможность человечеству расстаться с иллюзиями, которые очаровывали его на протяжении последних трех столетий. Просвещение, капитализм, социализм, либерализм и прочие фантомы рассыпались в прах. Этот период завершился, поставив человеческие сообщества перед проблемами иного времени. Возникли непримиримые противоречия между олигархией и бюрократией с их алчностью, своекорыстием и тщеслави-

ем, стремящимися к мировому господству, с одной стороны, и народами и нациями с их святынями, заповедями святых, заветами предков, жизненными интересами – с другой. Это конфликт всемирного масштаба, в котором нации сталкиваются с тотальной информационной войной, которую под флагом глобализма развязала олигархия. Нациям не остается ничего иного, как ответить на этот вызов.

Некоторые нации вступили на путь осознания пагубности сложившейся системы и пытаются обособиться от олигархического глобализма. Они создают реальную экономику, чтобы народ имел возможность развивать материальную и духовную культуру, передавая ее будущим поколениям. В других нациях это осознание коснулось лишь небольших групп интеллектуалов или предпринимателей, задумавшихся о причинах столь больших трудностей в организации простейших хозяйственных институтов. Это только обозначившиеся ростки нового – предвестники масштабного процесса освобождения. Пока же идет проба сил, поиск опоры в политических и религиозных концепциях, открытие грядущих управленческих решений. Становится все очевидней, что денежные знаки крайне трудно и даже невозможно обратить в полезные продукты. Это просто бумага или электронные записи! Если кто-то научился манипулировать ими с выгодой для себя, это еще не значит, что подобный процесс, в основе которого нет ничего, кроме спекуляции, может длиться бесконечно долго. Рано или поздно экономическая и общественная модель, альтернативная олигархической, будет успешно представлена человечеству и покажет свою жизненную силу. После чего она будет востребована народами, не утратившими волю к свободе и суверенитету.

В начавшейся борьбе, стратегическими высотами которой являются прежде всего сознание, чувства и настроения людей, самым эффективным и сокрушительным оружием неизбежно будет выступать национальная идеология. Она должна раскрепостить нации – труд и капитал, честь и достоинство, творчество и дух.

С целью вооружения национальных патриотов пониманием современности и представления средств достижения победы над олигархией подготовлен данный Манифест.

2. К истории политических учений и хозяйственных практик

2.1. Обладание будущим

Предсказание будущего – одна из фундаментальных задач человеческого разума, стремящегося постигнуть закономерности природы и общества. Людям всегда хотелось знать будущее, выводя его из логики истории и повседневного опыта, чтобы планировать свою жизнь. Чем основательнее прогноз, чем глубже он прослеживает грядущие события, тем успешнее деятельность тех, кто понял суть текущих явлений, познал причины поведения людей, проникся духом эпохи, выяснил закономерности исторических процессов.

Теории общественного развития всегда стремятся выстроить некую систему, которая, подобно классической физике, становится истиной, не подлежащей пересмотру в своих основах и применимой всюду, за исключением каких-нибудь экзотических случаев. Будущее логично выводится из универсальных принципов и законов. Огромный массив исторических событий сжимается до нескольких кратких формул, которые берутся на вооружение политиками и общественными объединениями. Дальнейшее сжи-

мание теории в руках политических практиков изгоняет из нее рациональность, оставляя лишь приверженность конъюнктуре, апелляцию к эмоциям, расчет на впечатление. Осколки теории у циников всех времен (начиная от античных киников) служат одному – соблазну, которым политики пытаются привлечь публику, ожидающую чуда быстрого обогащения, и клевете в адрес оппонентов. Что же касается научной истины, то через нее переступают в угоду интересам разнообразных групп и кланов. Научность и системность отодвигаются в сторону, когда пропагандистская машина призывается, чтобы насадить выгодные кому-то идеи.

Открытое противостояние в XX веке либеральных и социалистических идей создало иллюзию, что никакое иное миропонимание не может всерьез претендовать на конкуренцию с двумя мировоззренческими подходами. Традиция вместе с национализмом, казалось, отошла в прошлое, и за свое видение будущего борются только мировые системы: капитализм и социализм. Все остальное предлагалось считать «мраком Средневековья», пережитками прошлых эпох. И даже сами нации и государства, возникшие в эти эпохи, представлялись лишь фигурами на шахматной доске, где великое противостояние решает, каким будет мир.

Гроссмейстерам «нового времени» казалось, что все сыгранные до них партии ничего не стоят, что в них не было ни мастерства, ни системы, ни научного подхода. На деле же оказалось, что в противостоянии систем забылись и их фундаментальные основания: декларации о правах человека и гражданина и труды отцов-основателей либерального лагеря, с одной стороны, и «левая» идея «царства свободы» для трудящихся, преодолевших отчуждение от средств производства, с другой стороны. Даже сама со-

циальная «архитектура» наций и государств, в рамках которых все эти идеи вызревали и получали популярность, была признана анахронизмом.

2.2. Эволюция «свободы»

Либерализм мы знаем по его современным лозунгам, но аналогичные лозунги существуют с древних времен. Тогда демократические государства одним мыслителям казались воплощением идеи свободы от какой-либо регламентации жизни (включая семью и мораль), другим – хаоса, беспорядка, бессмысленности. Рабы были частью населения, по отношению к которой вообще не могло существовать никакой морали и лишь самые примитивные правовые установления. Там, где рабство было малозначительным институтом, возникали режимы, которые теперь принято считать «тоталитарными». Если Платон строил теорию идеального государства, во многом опираясь на опыт Спарты, то для множества современных ему и более поздних мыслителей этот опыт был, напротив, неприемлем, ибо теснил свободу личности. До нашего времени Платон числится среди «тоталитарных» мыслителей за свои идеи, которые интегрировали Традицию и опыт его эпохи.

В Античности анализ Аристотеля выявил государства-олигархии, основанные на власти немногих, которые правят в своих частных интересах, а свои богатства ставят выше статуса аристократии, военной доблести, мудрости, гражданского мужества. Власть денег в олигархиях превосходила власть Традиции, что демонстрировало вовсе не борьбу партий «демократов» и «недемократов», а более фундаментальное мировоззренческое противостояние – между культом денег и культом героев, подвижников, муд-

рецов и тружеников. Идеальное государство, с точки зрения Платона и Аристотеля, исключает как олигархию, так и демократию. Платон называл демократов распутниками, скупердяями, наглецами и бесстыдниками, рабами своего каприза, живущими ради удовлетворения нечистых желаний. Но рассматривал и олигархию как наихудшую форму правления, отдавая предпочтение аристократии и монархии. Аристотель писал, что демократии чаще всего вырождаются в олигархии, а затем и в тирании, что хорошо прослеживалось на примере родных ему Афин. «Правильными» формами государства он считал монархию и аристократию, а затем – смешанные формы, где соединялись разные типы правления. В наиболее жизнеспособных режимах сочетались элементы монархии, аристократии и демократии (политии). Это было важное теоретическое открытие древних мыслителей, которым современные нам правители пренебрегли, предпочитая власть денег или тиранического диктата.

Средние века восстанавливали власть Традиции после масштабного краха Античности, наступившего, когда гражданам стало нечего защищать, не за что бороться, когда материальный интерес консолидировал паразитические слои населения и разрушил духовное единство – основу государственности Рима, а потом Византии. Впоследствии Россия, принявшая на себя миссию духовного центра христианства, противостояла культу денег, но материальный интерес продолжал свое разлагающее действие, возвышая материальные ценности над духовными.

Древние мыслители, опиравшиеся на традиции, ставили общественное Благо выше частной Свободы. Новое время ввело понятие о «свободе», которая якобы является единственным вожделением общества, и все развитие общества

ведет к расширению свобод. Эпоха Просвещения соединила понятие «свободы» с личностью, в которой свобода будто бы, только и могла быть реализована в полной мере. Всякая социальность, возникающая до частного выбора личности, признавалась порочной, отчего предшествующая история становилась обузой и подлежала дискредитации. Гуманисты мечтали о временах, когда последнего царя можно будет удавить кишками последнего попа. Идея Прогресса противопоставлялась Традиции. В государстве видели только чудовищного Левиафана, власть которого неизбежна только потому, что люди от природы мечтают перебить друг друга.

Французская революция показала, что навязчивая идея, превращенная пропагандой в идеологию, на практике воплотилась в кромешный ад – террор и насилие. Невероятные человеческие жертвы либеральных (буржуазных) революций многократно превысили все издержки монархических и аристократических государств, основанных на Традиции. Гимн Разуму, который звучал из рядов просветителей, был заглушен грохотом войн и криками казненных. «Общественный договор», который чудился им как основа счастливого общества, нигде не обрел жизненной формы, «естественное право» нигде не утвердилось. Либерализм лишь дал алчности новый импульс, освободив ее от подчинения традиционной морали. Разум и рассудок торжествовали только там, где царствовал частный интерес, творивший несправедливость, позволявший жить за счет других, обманывать и превращать людей в рабов.

Либералы обычно с большим уважением относятся к методологии марксизма и многое заимствуют из него. Политэкономия социализма и либерализма имеют общий источник – идею интернационального рынка. Социализм ви-

дит в нем возможность захвата власти пролетарскими партиями, либерализм – партиями транснациональных корпораций. Прославление Марксом и Энгельсом прогрессивной миссии буржуазии стало частью теоретического догмата либерализма, ставшего пропагандистским инструментом олигархии во второй половине XX века. Вывод о ненужности и даже вредности государства также перекочевал из марксизма в либеральные учения современности.

2.3. Крах «справедливости»

Свобода оказалась кровожаднее Традиции, отчего на свет начали появляться идеи, ставящие во главу угла Справедливость. Противостояние все менее привлекательным идеям либералов, превозносящих частный успех и авантюристов, идущих по головам неудачников, вылилось в требование коллективной свободы – освобождения от «пут» нации и государства. Общественная солидарность, укорененная в Традиции и Государстве, теперь подменялась классовой солидарностью на основе общего социально-экономического статуса. Если Просвещение опровергало Традицию, то социалистические учения начали опровергать порожденный Просвещением буржуазный порядок. Но в этом опровержении места Традиции и традиционной морали не нашлось. Платон точно оценил отношение между либеральной олигархией и теми, кого марксисты потом назвали пролетариатом: «Богатство развратило душу людей роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства».

Наибольшая глубина социалистических идей была достигнута в марксизме, где отрицание будущей ведущей роли буржуазии было дополнено прогностической идеей о неизбежной и закономерной смене социально-экономиче-

ских формаций. От первобытнообщинного строя – к рабовладению, затем к феодализму, которому на смену приходит капитализм, а за ним начинается эпоха социалистических революций и построение коммунизма. Переходу к новой формации предшествует появление передового общественного класса, который призван преодолеть накопленные в прежней формации противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Смена формации означает отбрасывание прежних отношений, мешающих развитию производительных сил, и установление новых отношений.

В этой историософской конструкции изначально присутствовал дефект: уверенность в том, что в земном существовании можно построить идеальное общество, которому не нужно ни государство, ни социальная иерархия, ни нация. В этом смысле марксизм радикально разрывал с Традицией и даже полагал этот разрыв принципиальной закономерностью исторического процесса.

Марксизм утверждал, что очередная смена формаций не за горами, потому что родился на свет «могильщик» капитализма – рабочий класс с его «пролетарским интернационализмом». Коль скоро капитализм не обеспечивал наемным рабочим даже рабского существования, то пролетариату «нечего терять, кроме своих цепей». Пролетарий, разламывая революцией прежние отношения, должен был уничтожить частную собственность и в конце концов ликвидировать государство. При этом «реакционные народы» должны были погибнуть во всемирной пролетарской революции. Классовая солидарность делала народы не нужными для реализации любимых идей марксистов. Интернационализм стал одной из ключевых догм социализма. Теория отмирания государства роднила социалистов и либералов: интернационализм и свободные

мировые рынки соединены в общих для тех и других идеях глобализма.

Пропагандистским замыслом марксистов была опора на материальный соблазн, обращенный к массам. Им доказывалось, что достаточно отречься от своего государства, от своей веры, достаточно истребить «эксплуататорские классы», чтобы жить богато и трудиться в меру желания. Сначала предполагалось вознаграждение каждому по труду, а при коммунизме – по потребностям, вне зависимости от труда. Критерий воздаяния «по труду» и критерий разумных потребностей так и не был определен. Да это и не предполагалось, поскольку марксизм создавал сказку о чудесном обогащении и праздности, о земном рае для тунеядцев. Тем же соблазном были заражены не только пролетарии, но и образованные слои общества, которому еще только предстояло стать нацией и в полной мере освоить свою традицию. Вместо этого обществу было предложено мечтать о Справедливости и Свободе.

Соблазны материального обогащения разъединили народ, противопоставив классовые интересы и доведя отношения между классами до ненависти и вражды. В этой схватке была отброшена ответственность перед царствующими династиями и честь аристократии. Результатом кровавых схваток за «светлое будущее» стало вовсе не торжество «революционных» трудящихся или «контрреволюционных» капиталистов и помещиков, а перетекание власти в руки бюрократии.

Основанные на весьма узком эмпирическом материале, идеи марксизма оказались актуальными лишь в течение очень короткого исторического периода. Они стали не столько теорией, сколько пропагандой, смущающей умы народов, рвущихся к знанию. Революции XIX и XX веков,

затеянные под знаменами компартий (начиная с Парижской коммуны), опровергли сами себя, доказали несостоятельность марксизма. Марксизм сохранил значимость лишь как критика издержек капитализма и методология анализа простейших экономических отношений. Он ослабил жизнеспособность мировых цивилизаций, но не опроверг ни гуманистических иллюзий Просвещения, ни фундаментальных ценностей Традиции.

Человечество увидело, как социализм топтал Традицию и уничтожал социальные слои, охваченные либеральными и социалистическими мифами. Жертвы «реального социализма» многократно превысили жертвы буржуазных революций. Социализм надорвал жизненные силы многих народов. И поэтому мир увидел крах социалистической системы, оказавшейся не способной переступить через догматы марксизма и ответить на вызовы времени. Научный коммунизм, марксистская философия, исторический материализм – все это оказалось ненаучным и нежизненным.

Наемные рабочие не только не стали передовым классом, создающим более эффективные производственные отношения, но и не сложились в нечто единое. Мировые войны показали, что историческими субъектами остаются народы и государства, но не классы. Там, где социализм победил и догмы марксизма стали новой «религией», он отдал власть в руки бюрократии – партийной номенклатуры, миссия которой состояла в одном: в сдерживании нации в ее духовном и политическом становлении.

2.4. Смыкание противоположностей

Мутация либеральных взглядов в XX веке привела к сближению с социализмом и заимствованию у него ряда

идей. Либеральный социализм, зачатки которого пришлись на довоенную эпоху, расцвел к концу XX века и полностью впитал в себя обе концепции. Либерализм, утратив прежний пафос защиты свободы личности, «социализировался» – сделал ставку на многочисленные социальные программы. Социализм стал высшим принципом свободы, либерализмом в действии, призванным раскрепостить пролетариат, представив большинству некую «усредненную свободу». Либерализм, признав значимость некоторых социалистических принципов, стал более изощренным в своей лжи о сущности общества и человека. После краха социалистического лагеря либерализм унаследовал от поверженного противника не только материальные ресурсы, но и идеологию, которую адаптировал к целям мировой олигархии. Фикции демократии дополнились фикциями социального равенства и социального партнерства. Институты демократического и либерального социализма приняты на содержание олигархии, предпочитающей контролировать все идеи и все общественные течения, перекупая лидеров, идеологов, мыслителей, оскопляя общественную мысль, где только возможно.

Либерализм и социализм, различаясь в декларируемых целях и ценностях, едины в стремлении уничтожить государства и нации, соединить их в одно общество с едиными для всех «общечеловеческими ценностями». Для этого приходится отрицать национальные и цивилизационные различия, считая их пережитком, а любые различия между людьми – негативными факторами, подлежащими устранению. Обе по виду противоречивые идеологии едины в одном – в противостоянии религиозно-философскому мировоззрению, отражающему национальное самосознание.

Либерализм, как и социализм, калечит рассудок человека. Если социализм создает личность, целостность которой

полностью зависит от коллектива и политического догмата, то либерализм видит идеал в личности с расщепленным сознанием – мультикультурной и не связанной ни с одной человеческой общностью постоянными узами. Либерализм и социализм отрывают человека от семьи, нации и морали. У либерала семья – нечто временное, от нации можно в любой момент отречься, а мораль – химера. У социалиста семья – нечто второстепенное, нация – нечто преходящее, а мораль за пределами партийной догмы отсутствует.

Либерализм, как и социализм, лукав. В нем «общечеловеческое» – лишь пропагандистский трюк. Всеобщая свобода оборачивается свободой ограниченного числа субъектов, которым предоставляется монопольное право повсеместно оборачивать свой капитал. Глобализация нужна олигархии для того, чтобы отработанная ею модель закрепощения народов и наций стала универсальной и получила распространение во всем мире. Капитал олигархии нигде не должен встречать сопротивления своим разрушительным планам. Поэтому любое государство, отстаивающее национальные интересы и ведущее независимую политику, объявляется врагом, «империей зла», пособником терроризма. Врагом для олигархии является все, что связано со свободным существованием наций, а значит, все, что сохраняет традиционный духовный уклад, верность историческому пути, прочность моральных императивов.

2.5. Противостояние нации и тоталитарной бюрократии

Бюрократия всегда желала получить пожизненные права на ведущую роль в государстве и стремилась сделать свое положение независимым от воли монарха, ари-

стократии, народа. Именно это толкало бюрократию использовать изъяны в общественном устроении государств для укоренения своей власти. Интриги во дворцах то и дело выплескивались на улицы столиц, где взбудораженные люди искали справедливости. Плоды побед неизменно переходили к правящим кланам, а толпу усмиряли подачками: временными послаблениями режима, малозначащими реформами, броскими лозунгами. В результате бюрократия только крепла и умножалась численно, создавая себе инструменты для захвата национального достояния и безудержного обогащения. Бюрократический контроль за государственным аппаратом, национальным имуществом, госбюджетом применял самые изощренные методы унижения народа.

Ответное сопротивление народа могло опираться только на высшую аристократию – духовную и военную силу, призванную быть опорой государства и монарха, стремящегося передать своему наследнику процветающую страну. Поэтому силы революционного террора нашли в бюрократии тайного союзника. Если революционеры делали ставку на убийство монарха и публичную дискредитацию аристократии, то бюрократия вела свою разрушительную работу подспудно и пыталась «украсть» у аристократии ее народ: плела интриги в правящих кругах, доводила тяготы управления до абсурда, дезинформировала, заводила в тупик реформы и т.д. Политические теории, представлявшие этот процесс как борьбу классов, могли быть только на руку бюрократии. Их утопизм очаровывал образованные слои общества, мутил сознание масс и давал бюрократии перспективу всевластия, не скованного никакой традицией.

Революционный пафос либерализма опирался на стремление убрать с дороги аристократию с ее этикой служе-

ния своему народу и Государю. Бюрократия, используя интересы промышленников (или, как их охарактеризовали в прошлом веке, буржуазии), рвалась к власти, чтобы перестроить все отношения в обществе и сделать морально оправданной безудержную наживу и присвоение всех результатов промышленной революции. Это желание накладывалось на становление политических наций. Многие буржуазные революции были одновременно и национальными – избавляющими от зависимости от других государств. Неспособность «третьего сословия» осознать свою миссию как лидера нации, неспособность совместить Традицию и Модернизацию привели к захвату лидирующих позиций ростовщиками и спекулянтами. Одни торговали деньгами, другие перепродавали готовые товары и сырье. Иные не гнушались торговать и живым товаром – людьми. При этом гуманистические ценности Просвещения стали догматом, ради которого железом и кровью усмирялись обездоленные социальные слои и колонизуемые территории.

Революциям всегда противостояли охранительные идеи, которые в последующие эпохи постарались забыть или взять из них только то, что подходило под текущую политическую конъюнктуру. Идеи либералов не стали бесспорными благодаря мыслителям-традиционалистам. Жозеф де Местр указывал, что не может быть никаких универсальных законов общества, что дух свободы в отсутствие «канонизированных предков» влечет к хаосу, что только национальный разум, подавляющий индивидуальные догмы, может дать счастье и процветание народам. Эдмунд Берк считал, что индивид рождается в присутствии традиции и государства и невозможности сложения частных эгоизмов. Адам Мюллер, а за ним Гегель, утверждали, что нация есть основание любого отдельно-

го индивида и государства, что общая свобода – это свобода незабвенных предков. Фихте, Шеллинг и многие другие мыслители считали народ органической сущностью, а государство считали средством для нации. Лучшая форма правления для консервативных мыслителей почти всегда есть монархия. Гегель писал: «Личность государства действительна лишь как некое лицо – монарх». В XX веке консервативные идеи развивались как в немецкой, так и в русской философии, но не нашли достаточно приверженцев, чтобы остановить войны и революции.

Становление западного индустриального общества либералы пытаются приписать себе, придумав миф о «свободной рыночной экономике». В действительности, как показано Максом Вебером, успешная хозяйственная практика имела религиозные корни – протестантскую этику, рожденную в восстании народа против бюрократизации католической церкви. Увы, западное общество в Реформации со временем отбросило и Традицию, а новая бюрократия навязала нациям свою волю.

Попытки разрыва с бюрократией и освобождения наций были в предвоенные годы предприняты в европейских государствах. Но революционный и военный авантюризм, инспирированный агентами олигархии, подменил национальную идею нацизмом. Либеральная, или «левая», бюрократия была заменена не национальными институтами управления, а тоталитарной бюрократией, партократией, уничтожившей любое самоуправление и элементарные общественные свободы, в условиях которых нация только и может формироваться и развиваться. Авантюризм Гитлера и других лидеров агрессивных режимов, а также интриги мировой олигархии привели мир к войне и не позволили нациям преодолеть тоталь-

ную бюрократизацию. Олигархия была заинтересована в схватке фашистской Германии и Советского Союза, потому что видела в этих режимах то, что мешало ее мировому господству, и не хотела, чтобы суверенные нации самостоятельно преодолели тоталитарные тенденции. Олигархия Запада нашла себе союзника в тоталитарных бюрократиях, которые жаждали войны, ибо иначе не могли держать народ в подчинении. Харизматические лидеры XX века опирались на бюрократию и жестокими репрессиями пытались подчинить ее себе. Но природа лидера нации противна природе бюрократии. Лидеры с течением времени сходили с политической сцены, а бюрократия неизменно восстанавливала и усиливала свои позиции.

Торжество либеральных режимов и обогащение олигархий за время Второй мировой войны и послевоенного восстановления направили человечество по ложному пути. Подавляя национальное самосознание там, где олигархия встречала стремление к суверенитету, она объявила национализм тождественным нацизму. Либеральный Запад и его бюрократия начали диктовать свои условия тем странам, где национальная идентичность еще только зарождалась. Отказавшись от цивилизующей миссии в колониях, Запад заменил ее неоколониальной политикой. В результате потерявшие ориентиры народы, не имевшие собственного исторического опыта или утратившие его, позволили явиться на свет самым жестоким тираниям и многие годы вели кровавые гражданские войны. И все же там, куда не дотянулась рука либеральной олигархии, из-под обломков колониальных режимов проступили цивилизации – носители Традиции.

Либерализм не предполагает преимуществ для промышленного капитала, который по своей роли в жизни об-

щества должен доминировать над финансовым и торговым капиталом. Догмы либерализма привели к власти транснациональную олигархию, жонглирующую фиктивными ценностями. Деловые круги, отстранившиеся от Традиции, превратились в обслуживающий персонал олигархии, стали соучастниками глобального мошенничества.

2.6. «История обществ» – история борьбы

Когда национальные силы были искусственно выведены из политической борьбы, сработал «железный закон олигархии», сформулированный в начале XX века Робертом Михельсом. Любая форма социальной организации, будь то партия или производственная корпорация, государство или общественная организация, вне зависимости от ее первоначальной демократичности либо автократичности, неизбежно вырождается во власть немногих, то есть в олигархию. Соотношение производительных сил и производственных отношений здесь совершенно ни при чем. Единственной силой, противостоящей олигархии, является Нация – со всеми ее историческими традициями: верой предков, историческим опытом, родовой памятью, навыками государственного управления и общественного самовыражения. Отрекаясь от наций в пользу разнообразных интернациональных федераций – производственных и политических – производственный капитал с неизбежностью оказывался в подчиненном положении. Вернуть лидирующее положение предпринимателям, сделать реальный сектор экономики гарантом стремительного развития экономики, залогом процветания народов может только Нация и Традиция.

Давно минули времена, когда служилое сословие заместило вялую аристократию в деле управления и стало опо-

рой царствующих династий. Забирая себе власть на нижних этажах управления, разносословное чиновничество постепенно из опоры государства превратилось в паразитический слой, все больше отделяющий свои интересы от интересов нации и государства, одни социальные слои от других. В отсутствие механизма смены элит сработал все тот же «железный закон олигархии». Произошло вырождение аристократии в косные режимы с олигархией во главе, которые стали чужды всякому развитию.

Закончилось и время, когда государственные чиновники обслуживали интересы капитала, выступая в качестве исполнительных комитетов по защите экономических интересов буржуазии. В результате сращивания политической власти со спекулятивно-ростовщическими кругами бизнеса, выстроившими интернациональные структуры, формирование мировой олигархии стало неизбежным. Чиновничество сложилось в местные бюрократии и бюрократии международных организаций и поступило на службу олигархии. Производственный капитал лишился своего лидирующего статуса, началась деиндустриализация национальных экономик ведущих держав, разложение национальных суверенитетов. Бюрократия породила монополию, которая убивает предпринимательство и промышленное развитие. В результате нация порабощается косным слоем чиновников, ростовщиков и спекулянтов. И на повестку дня ставится вопрос о выживании нации: либо нация, либо олигархия.

Вся история развития человечества, или «история обществ», является вовсе не историей борьбы классов, а историей борьбы между нациями и народами, с одной стороны, и олигархией и обслуживающей ее бюрократией – с другой.

С одной стороны, воля к духовному развитию, к суверенности своей культуры и цивилизации, с другой – страсть к наживе любой ценой. Невероятно разросшиеся госаппараты стоят на страже интересов ростовщиков, блуждающих по миру в поиске новых территорий для порабощения и ограбления народов. Международная бюрократия обслуживает свободу мировой спекуляции, убивающей мировые экономики ради прибыли, которую олигархия получит от дешевой рабочей силы, образующейся в странах «третьего мира».

2.7. «Открытое общество» – новый маркетинговый ход

«Золотой век» олигархии, начавшийся в XX веке, когда большая часть человечества согласилась жить без веры, морали, традиции, истории, национальных ценностей, оказался на поверку очень коротким. Олигархия натолкнулась на непреодолимое препятствие – несоответствие между своими притязаниями, которые могут быть реализованы только «обществом потребления», и наличными ресурсами – человеческими и природными. Возникли неразрешимые противоречия между «капитализацией воздуха», безграничной эмиссией «мировых денег» и реальным производством товаров. Модель управления миром через торговлю деньгами и денежными суррогатами дала сбой. Иного и не могло быть, когда объем операций с фиктивными ценностями в сотни раз превзошел оборот произведенных товаров. Кризис экономики финансовых фикций, исчерпание природных ресурсов, сопротивление цивилизаций силовому диктату США вскрыли недееспособность, историческую ограниченность олигархической системы, гнилость религии «золотого тельца».

Видимая успешность тактики олигархии в том, что она действует скрытно и не представляет интересов публично действующей власти. Таким образом, олигархия оказывается вне действия самых острых конфликтов современности и не расходует на их разрешение свои ресурсы. Олигархии нет надобности в прямой оккупации территорий, нет надобности в прямой пропаганде собственного мировоззрения. Непрямые действия, контроль за территориями через марионеточные режимы, фальсификация истории наций, внедрение полезных олигархии политических мифов – все это инструментарий олигархии.

В прошлом центрами денежного господства были Ганзейский союз, Генуя и Венеция. В наше время – подконтрольные США международные институты: МВФ, Всемирный банк, ВТО. Не случайно олигархический капитал, блуждавший на протяжении тысячелетий по разным странам и континентам Старого Света, в XX веке выбрал своим центром США. Было создано новое государство, где традиция европейских наций была отброшена, а за основу взяты принципы государственного строительства, известные со времен Древнего Рима. Но и эти древние принципы государственного строительства оказались лишь лозунгами, благими намерениями.

Нация, образовавшаяся в США, была изначально освобождена от государственной и церковной бюрократии, но также и от многих моральных запретов, действие которых образует общество на столетия. На короткий исторический промежуток, пока моральные ценности еще не были до конца подавлены, американская нация приобрела динамизм и привлекательность для деятельных людей. Это позволило США сначала стать ведущей индустриальной державой, а в XX веке – «мировым кошель-

ком». Но протестантская этика прививалась без Церкви, а общество – без государственных и культурных традиций. Поэтому с течением времени все идейные искания североамериканцев склонили нацию к культу наживы, культу денег.

Там, где над людьми властвуют не религиозные заповеди и укорененные в национальной культуре философские доктрины, а дух алчности и жажда барыша, все поставлено с ног на голову и превращается в свою противоположность: безобразное выдается за прекрасное, справедливость выглядит глупостью, доброе – злым, а над идеалами и святынями совершаются акты глумления и осквернения.

«Золотой телец» совершил переворот в мировоззрении, направив по ложному пути, заставив забыть о свободе и равенстве – главных ценностях, на которых стояли отцы-основатели США. Затем из цитадели мировых денег последовали многочисленные интервенции против суверенных наций и государств. Ради ублажения интересов олигархии по всему миру американская олигархия организует войны и революции, в которых применяют самое современное оружие, внедряют идеологические вирусы, проводят массированные информационные кампании. Ложь и аморализм – вот главные составляющие успеха этой политики. И причины ее неизбежного краха.

Олигархия, мечтающая о мировом господстве, может существовать лишь за счет присвоения реальных ресурсов, расплачиваясь за них знаками стоимости в виде электронных записей или нарезанной цветной бумаги с водяными знаками, определенными как «мировая валюта». Олигархический капитал не признает государственных границ, разрушение которых является его навязчивой идеей. Тем самым он пилит сук, на котором сидит: под угро-

зой разложения и разрушения оказываются национальные экономики. Нанимая политических пособников, олигархия препятствует становлению национальной власти, а значит, организации производств, основанных на самых современных достижениях науки, и эффективного национального хозяйствования в целом.

Для подавления любой сколько-нибудь серьезной попытки нации стать независимой от власти денег олигархия через бюрократию проводит законы и правила, согласно которым жизнь национального капитала подавляется административным произволом. Деятельность органов государственного управления, подчиненная интересам олигархии, призвана задушить и подчинить себе любое предпринимательство, если оно осмеливается противопоставить себя бюрократии и вести себя независимо. Поэтому бюрократия обрушивается на национально ориентированные стратегически значимые и крупные предприятия, ликвидация которых происходит путем поглощения транснациональными корпорациями. Что касается средних и малых производств, то для достижения той же цели бюрократия использует методы от прямой криминальной расправы до организации рейдерства с участием чиновников и судей.

Если деньги становятся товаром, если они не служат хозяйственному учету и реальному товарному обмену, то они утрачивают свои естественные функции. Они утрачивают связь с конкретным производством и национальными экономиками. Во главу угла ставится не Дело, а стяжательство любой ценой. Слой деловых людей, на инициативе которых держится благосостояние нации, размывается и подменяется слоем бесстыдных ростовщиков и спекулянтов, которые оправдывают свою деятельность «общечеловеческими ценностями». Обещанное всем равнодоступное

денежное счастье оборачивается подавлением и запретом всего, что выходит за пределы культа денег. И в этом заложена неизбежная гибель мировой олигархии.

Изобретение новых денежных суррогатов, учреждение новых региональных валют, игра ставками кредита – все это только продлит агонию либерально-олигархического правления. Без реального товарного эквивалента, соответствующего всей массе денежных знаков, без отказа от признания товаром «резаной бумаги», прикинувшейся знаками стоимости, невозможны продуктивные отношения между дееспособными нациями, невозможна продуктивная национальная экономика.

Современные «маркетинговые» войны косят людей не хуже пулеметов, уничтожая среду обитания, распространяя наркотики, алкоголизм, порнографию. Не целесообразная производительная деятельность, удовлетворяющая насущные потребности наций, а спекуляции знаками стоимости или их суррогатами создают миллиардные состояния, избегающие причастности к производственным процессам. Что это, как ни война меньшинства против большинства? Что это, как ни доказательство того, что либеральные догматы могут реализоваться на практике только для подобного меньшинства? Войны развязывают ради добычи. Если посмотреть, кто богатеет на крови, то увидишь врага нации.

Технический прогресс и ядерное оружие в XX веке стали гарантом суверенитета для многих государств, что сорвало планы олигархии. Поэтому центр тяжести своей разрушительной работы олигархия перенесла на подрыв самосознания наций, которым навязывается доктрина «открытого общества» – без национальных границ и протекционизма правительства по отношению к национальному предпринимательству.

2.8. Национализм – путь свободы

Как бы ни различались человеческие сообщества природно-климатическими условиями и историческими «биографиями», психологические типы диктуют одни и те же мировоззренческие комплексы, которые объединяют или разъединяют людей больше, чем принадлежность к различным социальным или политическим группам. В современности эти типы обозначились в трех мировоззренческих доктринах: либерализме и социализме, единых в стремлении уравнять людей, уничтожить цивилизации и культуры, убить нации бюрократическими процедурами, и противостоящем им национализме, для которого Нация и ее цивилизационные достижения – высшая ценность. Время покажет, какие нации согласятся на самоубийственные уступки олигархии, а какие, усвоив уроки истории, возьмут свою судьбу в свои руки.

Низменная страсть меньшинства, желающего вечно вкушать плоды чуждого труда, явлена нам как основа либерального мировоззрения. Удовлетворить эту страсть может только гибель цивилизаций и вырождение самых талантливых и гордых народов мира. Народы, способные легко обеспечить себя всем необходимым, уничтожаются наемниками олигархии, создающими неэффективные хозяйственные механизмы, через которые идет конфискация всего национального достояния. Антинациональная система воспитания и образования должна завершить процесс, через который проводится уничтожение памяти поколений и разрушаются традиции, культура, мораль. Выбивание из народов исторической памяти, проверенных веками представлений о добре и зле оборачивается оскудением духовного начала, присущего человеческой природе, что в конечном итоге неминуемо перерастает в физическую деградацию.

Только национальная модель социальной организации может противостоять хаосу, входящему в жизнь «железным законом олигархии». Только нация со своими традициями может ограничить произвол чиновников, подавить бюрократию и исключить возникновение олигархии. Только национализм обеспечивает необходимое сочетание Традиции и Модернизации и устраняет причины социальных революций, обеспечивая условия революции научно-технической. Там, где во главу угла поставлены национальные интересы, там кипит жизнь и бурно развивается хозяйство, восстанавливаются моральные устои, люди возвращаются к полноценной жизни.

Те нации, которые первыми сбросят диктат олигархии, получат мощнейший импульс развития и быстро обгонят деградирующую экономику «золотого тельца». Избавление от олигархии вернет прежним историческим нациям имперскую мощь, роль мировых лидеров, а малым нациям – собственное достоинство и суверенное существование. Исторические нации объединят под своим патронажем цивилизации, проложат границы культур и народов так, чтобы между ними был возможен уважительный диалог, остановят конфликт между цивилизациями и гарантируют им свободное развитие. Вместо универсального рецепта, по которому история должна закончиться всемирным принятием «либеральных ценностей», мир наций и цивилизаций продолжит историю во всем разнообразии верований, культур и экономических укладов. Те нации, которые, напротив, согласятся остаться под пятой олигархии, обречены на обескровливание национальных экономик в играх фиктивными ценностями, на закулисные интриги вместо публичного права, на деиндустриализацию и крах культуры.

Национализм сегодня – самое перспективное мировоззрение, оставляющее позади XX век с его либеральными и социалистическими экспериментами, в которых были безжалостно уничтожены миллионы людей и десятки жизнеспособных государств. Национализм способен вернуть человечество на путь, прочерченный столетиями, – путь культурной и духовной свободы национально-государственных организмов, составляющих мировой симбиоз разнообразных цивилизаций.

3. Национализм и его идейные противники

3.1. Понимание нации

Во все времена государства создавались и поддерживались теми, кто воспринимал гражданство и подданство как долг и честь. Это было и в древнегреческих полисах, и в мощнейших империях, и в национальных государствах современности. Ощущение своей причастности к судьбе Отечества мы называем теперь «национальным самосознанием».

Родовые, культурные и политические общности соединяют людей в сообщество, которое мы определяем как «нацию». В нации могут присутствовать и разные народы, и разные культуры, и разные политические воззрения, но всегда имеется стержень – ведущий народ с его осознанием родства и культурными доминантами, ведущая политическая идея, поддержанная этим народом. Рассматривая родовое начало и связанные с ним нормы жизни, мы говорим об «этносе», переходя же к культурным и политическим основаниям общежития в государстве, мы говорим о «нации».

Иногда нациями называют народы, не создавшие значимых явлений мировой истории: высокой культуры, государства. Такое понимание нации на руку тем, кто стремит-

ся к разрушению государств, пропагандируя принцип национального самоопределения. Прежде всего оно направлено против наций, создавших империи, в которых объединялись народы, а национальное укреплялось имперским. Признание нациями этнографических групп, напротив, разъединяет народы. Малые народы, вставшие на путь самоопределения не в силу объективно сложившейся необходимости, а следуя указаниям мировой олигархии, в обмен на денежное довольствие, идут против ведущих наций современности и выступают в роли сепаратистов и угнетателей стержневого народа.

В западной науке существуют различные понимания нации: «французское», исходящее из идеи свободного сообщества граждан государства, основанного на политическом выборе, и «немецкое», базирующееся на культуре и общем происхождении. Французская академия в 1694 году определила нацию как совокупность всех жителей «одного и того же государства, одной и той же страны, которые живут по одним и тем же законам и используют один и тот же язык». Французский богослов Эрнест Ренан в 1882 году выдвинул идею общей воли, возникшей из чувства прежних и предстоящих жертв, прежней и будущей славы. В отличие от этой концепции, в Германии национальное сознание было больше ориентировано на культуру, поскольку национальная идентичность сталкивалась с противоречием – необходимостью соотносить себя, с одной стороны, с малым княжеством или городом, а с другой – с империей. Поэтому нация была поставлена выше государства, выше подданства и гражданства, приобретая культурное и духовное измерение. Иоганн Готфрид Гердер утверждал, что народы – это мысли Бога, что формы государства зависят от самобытности народов, что каждый народ создает свои нормы права и име-

ет свои представления о счастье. Государство в «немецком» понимании нации считалось производным от нации.

Оба подхода к пониманию нации в современных условиях сблизились. И оба находятся в противоречии с устройством власти в современных государствах, которые игнорируют как волю граждан, так и национальные интересы. Основанием для подмены того и другого произволом бюрократии служат политические догматы и интересы олигархии.

Марксистской традиции соответствует подход, определяющий нацию через перечисление определенных качеств (общность языка, территории, особенности культуры, сознания и психологии). Признавая реальность нации, марксисты отрицают ее ценность, предпочитая суверенитету нации интернациональную классовую общность. Тем самым марксизм оказывается враждебен нациям, национальному самосознанию. Аналогична установка современного либерализма – для него нации представляют препятствие в формировании произвольных и постоянно меняющихся федераций, заключаемых между индивидуумами. В своем противостоянии нации либералы доходят до отрицания родового единства человеческих сообществ, до отрицания нации вообще.

В русской философии нация понимается как форма человеческого объединения, обусловленная не только и не столько интересами, сколько идеей. Причем в большей мере мировоззренческой, чем политической. Поиск собственной судьбы, адекватной национальной идее, служащей проектом Отечества, – задача нации. Нация – это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания жизни, завещанного прошлым и живого в настоящем. Нация исчезает, если

граждане перестают размышлять о причинах своей общности и солидарности, о миссии своей нации и переживать ослабление национального самосознания как личную беду. Народ в этом случае становится просто населением, утрачивает ощущение «мы», перестает различать окружающих как «своих», «наших».

О соединении социального с национальным в XX веке думали и писали представители течения, получившего название «консервативная революция»: Освальд Шпенглер, Артур Меллер, Эрнст Юнгер, Карл Шмитт, Юлиус Эвола. В русской философии идею нации разрабатывали Иван Ильин, Николай Алексеев, Николай Данилевский, Николай Бердяев и другие, а также выдающиеся публицисты своего времени Михаил Катков, Михаил Меньшиков, Иван Солоневич. Многое из наследия консерваторов прошлого сохранило свою ценность и злободневность до наших дней.

Идейные искания и теоретические разработки консервативного направления были отброшены в эпоху мировых войн и революций, в результате которых к власти пришли приверженцы либерализма и марксизма. Государственные концепции тех и других предполагали только бюрократическое манипулирование населением и не признавали ценности нации как родовой, культурной и политической общности. Взамен нации в политических теориях либералов и марксистов вошел термин «общество», которым обозначалась активность индивидов за пределами государственных институтов, противопоставленных этому «обществу». При этом на вооружение была взята лукавая доктрина о контроле общества за государством. В реальности подобный «контроль» лишь легитимировал власть бюрократии и создавал условия для подавления нации и выращивания олигархии.

Считается, что современный национализм охватил массы только в конце XIX века, когда выдвигался тезис о том, что каждой нации соответствует одно государство и каждому государству – одна нация. И хотя эта формула XIX века определяла всю последующую политическую историю Европы, многие западные исследователи требуют от политики денационализации. Подспудной причиной такой странной установки является убеждение, что по окончании Второй мировой войны и особенно после падения Берлинской стены мир настолько изменился, что государство стало утрачивать свое значение, а вместе с ним и национализм со своей государствостроительной функцией оказывается препятствием на пути прогресса.

Те тенденции, которые свидетельствуют о бесспорном росте национализма, списываются на особенности восточноевропейского менталитета (аналогичного, как подразумевается, азиатскому). В действительности же мы видим признаки подспудно идущего исторического процесса: если неевропейские страны отвечают на глобализм локализацией общественных институтов, то европейцы имеют все основания для их национализации. И если в первом случае можно говорить о разворачивании этнического национализма, то во втором – в большей степени о гражданском национализме ведущих политических наций.

3.2. Нация и Империя

Во Франции, Великобритании, США нация исходно понималась как сообщество граждан. Поскольку здесь не просматривается никакой промежуточной структуры между гражданином и государством, управление могло строиться на централизованных, унитарных началах. Но

при этом пришлось проводить жестокую ассимиляцию, изничтожая родовое сознание территориальных сообществ и малых народов. Тем не менее история показала, что начала насильственной централизации оказались слабыми: бюрократия использовала их только с целью разобщения граждан, ослабления и формализации национального самосознания.

При ином подходе к государственному строительству учитывалась историческая память, сохранившая символы догосударственного родового и территориального единства более мелких общностей. В этом случае для нации более приемлемой оказывалась имперская модель. При этом почти всегда находилась одна из родовых территорий, осуществившая государственный суверенитет и ставшая в процессе объединения гегемоном (Пруссия в Германии, Кастилия в Испании, Пьемонт в Италии, Московия в России).

Объединяющая идея Империи вбирает в себя культурные достижения народов и цивилизаций на огромных пространствах и в обширных временных промежутках, сплавляя их в сложную, а оттого долговременную и способную к развитию иерархическую систему. Каждый из дееспособных подданных империи понимает себя, с одной стороны, принадлежащим к своей малой родине, ее языку, нравам и обычаям, но, с другой стороны, ощущает себя одновременно и подданным императора. Тем самым родовое чувство национальных меньшинств (народов, не причисляющих себя к ведущей нации) не противоречит государственной идее и поддерживает имперскую нацию. Имперская форма государственного строительства становится и высшей формой самоорганизации нации. Именно поэтому объектом атаки со стороны агентов бюрократии стали империи, разрушение которых породило

кровавые конфликты XX века, каких не знала предшествующая история.

Нация не есть нечто застывшее. Она постоянно меняющийся и совершенствующийся целостный организм: античная нация связана с городом-государством или империей, состоящей из множества полисов, соединенных в провинции. Средневековая европейская нация охватывает ландшафты, впервые соединяя нацию с пространными территориями и открывая возможность построения политии (по Аристотелю – наилучшая форма правления, сочетающая монархию, аристократию и волю народа), где государственные решения делегируются определенному слою в акте доверия. В более поздних империях (Арабского халифата, Российской, Османской) нация соединяется общностью задач, письменностью и веротерпимостью (при ведущей роли одной из религий). Наконец, современная нация соединяется с государством – унитарным или имперским.

Далеко не всем народам доводилось превращаться в нации – сообщества, где единство созревало до осознания и живого воплощения политической общности. К современности не все народы пришли хотя бы к какой-то форме нации. Население большинства государств за пределами Европейского мира зачастую лишено национального самосознания. В них сувереном является не нация и даже не архаичная монархия, а родовые кланы, военные хунты, закулисные иностранные олигархии с местными марионеточными политиками на привязи. Но и в Европейском мире нации (как сложившиеся, так и находящиеся в стадии становления) находятся перед опасностью разрушения и перехода общества в донациональное состояние: при утрате связи с государством (бюрократизация, тирания, олигархия, анархия), при уступке

суверенитета (глобализм), при разделении на отдельные родовые или субкультурные общины (федерализм, мультикультурализм), при торжестве индивидуального над национальным (либерализм), при доминировании экономической солидарности взамен национальной (социализм).

Дробление империй, распад больших государств, образование марионеточных режимов, искусно управляемых олигархиями, – основа не для процветания, а для нового рабства, опасного тем, что оно утверждается набором пропагандистских инструментов, лишающих нации ощущения порабощенности. Всему этому противостоит национализм, который ставит ценность нации выше эгоизма частных лиц.

3.3. Национальное самосознание – арена борьбы Добра и Зла

Либералы пытаются представить нацию как выдумку, называют ее «воображаемой общностью», «идеологической конструкцией», внушенным мифом об общем происхождении. Иногда в нации хотят видеть всего лишь результат развития современных средств коммуникации. Радикальные либералы предпочитают видеть ближайшее будущее – их «коммунизм» – как «постиндустриальный мир», в котором разнородные меньшинства доказывают себе и окружающим свое право «быть другими», а нации должны отойти в прошлое. Творческий потенциал индивидуумов противопоставляется производству «общественных ценностей» и благ. Бюрократия приемлет такой подход, сохраняя контроль за некоторыми сторонами поведения своих рабов, гомогенизируя и уравнивая людей в мировом масштабе своими процедурами. Ритуалы лояль-

ности бюрократии формируют сознание, нечувствительное к прошлому и не отвечающее за будущее страны и народа. Фабрикуется ложное представление о некой единой «мировой цивилизации» и опасности любых уклонений от «магистрального пути человечества», представленного в стандартах теплохладного общества потребления, чуждого всякому творчеству, нечувствительного к несправедливости, равнодушного к Истине. Странам и народам навязывается «первобытное мышление», обнаруженное исследователями у все еще сохранившихся на земле диких племен. Тем самым вытесняется национальное самосознание. Здравый смысл нации подменяется «здравым смыслом» бюрократии, свобода подменяется фикциями – рабством рабов, не замечающих постыдности своего положения.

Нации в XXI веке отчаянно сопротивляются диктату либеральной бюрократии – разложению на «меньшинства» и одновременной унификации в лояльности к правящим олигархиям. Даже разгромленные войнами и революциями центры мировых империй и мировых культур продолжают поддерживать дух нации, историческую память, традиционные верования. Бюрократия ведет со всем этим непримиримую борьбу, либо уничтожая очаги сопротивления своему всевластию, либо заражая вирусом бюрократизации и зависимостью от «золотого тельца».

Формируются всевозможные пропагандистские и финансовые структуры, направленные на разложение национального сознания. Ими используется целая сеть эфирного вещания, дурачащая человечество, вбивая в сознание вредные или ложные представления о жизни. От этого целые континенты наполняются инвалидами информационных войн с подорванной психикой и деструктивным поведением.

Либеральные СМИ постоянно ведут прицельный огонь по основам жизни нации, содействуя разрастанию олигархических капиталов. Ими сформирован набор постоянно решаемых задач: над олигархическими группами не должно быть высшего арбитра – верховной власти; в обществе должен быть вытравлен или фальсифицирован патриотизм, задавлен независимый национальный предприниматель. Особенно разнузданна клевета на героические личности, составившие славу Отечества. Против них действует целый сонм фальсификаторов, пересказывающих биографии как набор скабрезностей.

Патриотизм у нанятых олигархами журналистов становится «прибежищем негодяев», а национализм – настолько антигуманным явлением, что подлежит разоблачению как прямое потомство нацизма и расизма. Товаропроизводитель для либеральных СМИ – это либо покорный обслуживающий персонал олигархии, либо жулик, а сами олигархи представляются в роли крупных капиталистов, на которых только и держится экономика. Мол, современное производство немыслимо без крупных корпораций, а потому их создание и существование оправдывает любые преступления. Либеральная публицистика отводит от олигархии любые претензии и взваливает их на производителей реальной экономики, на тех, кого олигархия давит своей налоговой системой, монополиями-перекупщиками, чиновничьим рэкетом. СМИ либералов нетерпимы ко всем, кто пытается защищать отечественного производителя. Они льют потоки клеветы на естественного союзника товаропроизводителей – националистов.

Национальный предприниматель и национальный политик подлежат травле всюду, где правит олигархия. И главным оружием этой травли являются средства массо-

вой информации. Это ставит перед националистами одну из ключевых задач – национализацию крупнейших СМИ и направление их деятельности на воссоздание национального самосознания.

Сегодня от имени «прогресса» и «общечеловеческих ценностей» идет навязывание разрушительного социального проекта. Растравливаются низменные чувства, самые ужасные грехи проповедуются как нечто естественное для человека. Рабам олигархии прививаются страсть к наживе, мечты о случайном успехе, грезы о жизни без труда и ответственности перед будущими поколениями. Единственной моделью общества представляется мифологизированный Запад, ничтожный миг его относительного благополучия во второй половине XX века, представленный глянцевыми обложками и образом жизни из множества лишенных какой бы то ни было правды кинофильмов.

Показывая картинки беззаботной жизни, сладкого ничегонеделанья, олигархия создает соблазны и обосновывает свое право «спасать человечество» от его собственной истории и культуры. На деле это «спасение» оборачивается ковровыми бомбардировками городов, выжиганием напалмом жилых кварталов, пытками военнопленных, зверскими казнями политических противников, безумной гонкой вооружений, разрушением суверенных государств, уничтожением памятников национальной культуры.

Нанимая самые бойкие перья, самых циничных режиссеров любых зрелищ, проводя для них и вместе с ними масштабные рекламные кампании, олигархия стремится, чтобы общество порвало с национальной историей. Ее извращают, опошляют, высмеивают. Из человека стремятся вырвать его душу, сделать его рабом олигархии, подобост-

растно ожидающим подачек и регулярного впрыскивания информационного наркотика. Виртуозы лжи считают себя интеллигенцией, мнят о своей роли распорядителей истории. На самом деле они остаются жалкими наемниками из профессионального цеха растлителей и пошляков, которым Богом и Историей на этом и на том свете определено самое постыдное место.

Противостоящая растлителям и пошлякам национальная мысль спасает не только рассудок нации, но и души людей, атакуемые бесовщиной. В этой борьбе вся история, политика и даже жизнь частного человека становятся ареной столкновения Добра и Зла.

3.4. Истинный и ложный национализм

Националист отвергает не иные народы, а те элементы в их ментальности, которые претят его культуре и вере. Национализм – это стремление к национальной демократии и прочной государственности. Национализм подлинный – это сила, мобилизующая нацию на саморазвитие и отстаивание суверенитета. Патриотизм есть производная национализма – любовь к своему дому и своему государству, к тем традициям, которые сформировались в нем. Бюрократия насаждает имитации патриотизма, которые сводятся к демонстрации лояльности, к поддержке порядка, при котором в политике нет места националистам, а у нации – никаких перспектив.

Если национализм утвердился в политике, если патриотизм стал неотъемлемым элементом гражданского самосознания, то народ способен к мобилизации в условиях кризиса, к адаптации к новым веяниям, имеющим место в мире. Национализм – ощущение силы, которая позволяет быть открытым миру без ущерба для национального само-

сознания. Открытость к достижениям всех народов дает осознанное восприятие и понимание мира, а это наполняет патриотизм смыслом. Сознание, ориентированное на традиционные ценности, позволяет находить правильные решения.

Настоящий национализм действует прежде всего в интересах своего народа, а ложный – в интересах олигархии. Выпячивание стародавних родовых мифов, не имеющих исторической достоверности, превращение их в «учебные пособия», оправдывающие давно минувшими заслугами современные претензии на обособление, пренебрежение опытом народов, строивших совместно единую нацию и единую империю, – все это ложный национализм. Он используется олигархией для ослабления настоящего национализма, для подрыва духовного единства народа, для ослабления государства. Лживый национализм переносит критику либеральных режимов на само государство, которое готов разрушить. Олигархия за кулисами радостно аплодирует этому единению с антигосударственными идеями либералов и марксистов.

Ложный национализм выражен в анархических, антирелигиозных, нигилистических, криминальных формах. В нем есть только болезненная жажда возвыситься над другими, замешанная на неполноценности личности, в которой ненависть замещает все: любовь, разум, честь, совесть. Не представляя ценностей родовых связей, зачастую не имея способности даже создать собственную семью, эти люди, называя себя националистами, предпочитают подменять духовную общность зоологической. Не зная истинной природы родства, не имея представлений о научных методиках, они смеют определять, кто на кого «похож», и на глаз оценивать национальную принадлеж-

ность. Рассуждая о братстве «по крови», они не имеют представления ни о «крови» (генетическом родстве), ни о братстве, ни о духовном единстве между людьми. Такие зоологические типажи весьма любимы идеологами либеральных СМИ, которые представляют их как типичных националистов, скрывая от граждан, что есть на самом деле истинный национализм и кто является его выразителем.

Националист не может быть анархистом, не может быть нигилистом, выступающим против государства. Националисты в противовес своим противникам всегда выступали за сильную централизованную власть и режим единоличной власти с опорой на народное самоуправление, ставящие под свой контроль аппарат государственного управления и тем самым препятствующие образованию олигархии.

Националист чужд социальным революциям, предпочитая революции научно-технические, революции национального возрождения. Озверелые бунты мещан, требующих от олигархии гарантированный паек, не имеют ничего общего со здоровой силой национального самосознания. Националист никогда не борется с властью, он борется за власть и за утверждение во власти не своего клана, а национальных ценностей и интересов.

3.5. Олигархия и аристократия, демос и охлос

Олигарх не хочет иметь Отечества: оно накладывает на него обязательства, от которых он стремится избавиться. Уклоняясь от своих гражданских обязанностей, олигарх готов обескровить нацию ради своих частных интересов и даже уничтожить ее, если эти интересы идут вразрез с существованием нации. Аристократ, напротив, не видит ни-

какой возможности быть вне нации и связывает свой статус и благополучие с ее судьбой.

Для националистов неприемлема концепция «правового государства», где уравниваются все правовые статусы граждан вне зависимости от их заслуг и способностей. Национализм требует становления новых форм аристократии – аристократии служения и статуса по заслугам.

Суверенитет нации предполагает, что «демос» (ответственные граждане) всегда выступает против «охлоса» (толпы), а аристократия всегда выступает против олигархии, растаскивающей и разрушающей нацию. Поэтому олигархия всегда опирается на охлос (в наше время – тупеющих зрителей, упершихся в экраны телевизоров), а истинная аристократия – на демос, ответственных граждан. Поэтому для олигархии совсем не чужды идеи социализма, которыми охлос удерживается в повиновении. И поэтому же в национализме не может быть никакого социализма (с его принципом уравнительности). И никакого либерализма (с его ненавистью к аристократии).

Национализм связан с понятием иерархии и ранга. На вершине власти в национально ориентированном государстве должно находиться лицо, не зависящее от олигархических капиталов, отстаивающее интересы всего народа, – несменяемый верховный арбитр или подготавливающий его приход национальный лидер.

Предпосылка национального успеха – признание народом национального лидера, в идеале – наследственного монарха, олицетворяющего нацию и всю ее историю. Если нация находит иные варианты иерархии власти, никакая внешняя воля не имеет оснований для вмешательства и навязывания собственного понимания национальных интересов. Однако в любом случае право на власть должно быть неоспоримо и укоренено исторически в принци-

пе правопродолжения (континуитета). Только неразрывность права (которое установлено специальными законодательными актами) гарантирует, что у власти стоят не самозванцы, манипулирующие выборами и средствами информации.

Националист не может признавать справедливым равный статус подданных государства, среди которых одни трудятся в интересах нации, а другие преследуют только свой эгоистический интерес. Полноценный гражданин характеризуется верностью закону, личным трудовым вкладом в общенациональные дела, готовностью с оружием в руках служить Отечеству, знанием истории нации, стремлением иметь семью и детей – будущее нации. Право должно возвышать статус таких людей через систему цензов, которые позволяют решать вопросы о судьбе нации, быть представителями народа, занимать государственные должности.

Заслужить это право может человек любого происхождения. Проливший кровь за государство – бесспорный гражданин. Создавший современное производство, обеспечивший нацию качественными товарами, а граждан работой – бесспорный гражданин. Интеллектуал, создающий в рамках традиции культурные ценности, новые технологии и открывающий научные истины, – тоже бесспорный гражданин. Напротив, тунеядец, невежда не может получать всей полноты гражданских прав, не может участвовать в политической жизни нации. Не может иметь права определять судьбу страны тот, кто предпочитает жить за рубежом, пренебрегает воинским долгом, растрачивает полученное достояние в роскоши и развлечениях, предпочитает не заводить семью и детей, уклоняется от уплаты налогов. В вопросе о гражданстве и в определении полноты гражданских прав нации нужен чет-

кий набор критериев, законно отделяющий тех, кто живет вместе с нацией, и тех, кто действует против нее или предпочитает обособиться от нации и вести частную жизнь.

3.6. Конструктивное и деструктивное

Марксизм и либерализм, находясь при власти, прежде всего стремятся уничтожить связь нации с ее прошлым. Из нации изымается важнейшее – связь с предками и почитание их заветов, следование традиции. Следующим шагом становится репрессирование родового самосознания стержневого народа – вплоть до «расизма наоборот». Наконец, подрывается духовная жизнь нации – из нее выбивается духовная составляющая: средства массовой информации пропагандируют культ наживы, насилия, распутства; бюрократизируется Церковь; создаются «гражданские религии», организующие ритуалы лояльности бюрократии.

Марксизм определяет национализм как продукт мелкобуржуазного сознания и мелкобуржуазной ограниченности – как предрассудок, который должен преодолеть освободившийся пролетариат, у которого «нет отечества». Современные либеральные учения в основном рассматривают национализм как возрождение первобытного родового мышления, проявление варварства и дикости. В консервативно-традиционалистской интерпретации национализм есть естественное проявление национального духа, исторического самосознания народа, а также способ отстаивания его жизненных интересов. Продуктивный национализм отличается от ложного и деструктивного тем, что первый есть стремление сохранить свое, второй — попытка захвата чужого.

Там, где правит олигархия, национализм вытравливают всеми возможными способами, прежде всего дискредитацией и приписыванием национализму всех пороков – фашизма, нацизма, расизма, антисемитизма, на самом деле порожденных либеральными силами и теми же олигархиями. Националистов представляют мракобесами, криминальными типами, «авторитарными личностями», самоизолирующимися от остального мира.

В действительности национализм не имеет ничего общего с обособлением от остального мира. Развивающиеся нации стремятся к полноте духовной жизни и восприятию достижений других народов и цивилизаций. Национализм энергичен, бюрократическая дипломатия, если только дело не сводится к той или иной форме грабежа, вяла и безынициативна. Национализм наполнен творчеством, бюрократия – страхами всего нового. Национализм отстаивает свой проект с учетом иных мнений, бюрократия – стремится к всеобщему усреднению мнений, к изживанию продуктивных различий.

3.7. Законность

Писаное право не исчерпывает все богатство жизни. Формализованное право, оторвавшееся от традиций и народного чувства справедливости идет вразрез с жизнью. Всюду, где национализм не может остановить манипуляции бюрократии, закон теряет свою ценность.

Более всего это заметно по международным договорам и деятельности международных организаций, которые подчинены интересам мировой олигархии. Творимое ими «международное право» убийственно для наций, не имеет ничего общего с пониманием справедливости и коварно непостоянно. Современные международные организации

поставлены на службу идеям глобализма и задачам мировой олигархии по подрыву национальных интересов, вследствие этого они не могут восприниматься как истина в последней инстанции.

Принцип законности, обязательный в суверенном национальном государстве, не может быть для националистов опорой мировоззрения, если суверенитет под вопросом, а право искалечено бюрократией. Кто считает, что исполняет свой долг, буквально соблюдая закон, зачастую способствует прямой задаче олигархии ограбить народ под видом защиты граждан от преступности и совершить самые страшные преступления против народа – измену и геноцид. Следуя бюрократическому завету «исполнять инструкцию» и «слушать начальство», не задумываясь о сущности закона, а иногда даже не заглядывая в него, увеличивает несправедливость, которой должен противостоять каждый честный гражданин. Тем самым он соучаствует в системе ограбления нации, обусловленной антинациональным законодательством и враждебными стране и народу международными соглашениями, подписанными по воле олигархии.

Закон для нации – это соотнесение правового прецедента с принципами справедливости, заложенными в народном самосознании. Такой закон будет милостив к совершившему случайную ошибку и беспощаден к врагам нации.

Когда закон расходится с Истиной, он не может быть направляющей силой для националиста. Нация выше закона.

3.8. Национальная иерархия

Национализм выражается в требовании справедливого распределения национального дохода: невозможность

частного присвоения доходов от эксплуатации недр; разделение всех экономических рисков, приходящихся на нацию в целом, пропорционально богатству; поступление доходов от природных богатств в каждую семью; прямое материальное вознаграждение за заслуги перед нацией.

Национализм ставит производителя выше торговца, торговца выше финансиста. Поэтому национализму необходимо перевернуть сложившуюся ныне иерархию, ведущую к деиндустриализации и превращающую производителя в жертву экономического хаоса, торговца – в спекулянта, финансиста – в ростовщика. Необходимо прекратить культивировать новоявленные нормы «общества потребителей», живущего в долг, проедающего богатства, накопленные предшествующими поколениями, безумно уничтожающего природные ресурсы планеты. Взамен догме о «мировом разделении труда» национализм требует стратегической независимости хозяйства страны от иностранных поставок и инвестиций. Ориентацию экономики на преимущественную продажу за рубеж сырья в обмен на товары широкого спроса националист должен считать преступлением. Иностранное присутствие в национальной экономике должно быть ограничено задачами развития самых современных технологий.

3.9. Проблемы народонаселения

Цивилизации создавались оседлым населением, жестко ограничивающим наплыв иммигрантов. Только так можно было выработать ценности, общие для всех, не размывая их представлениями пришлых элементов о нормах поведения и священных символах. Национализм требует снижения иммиграции до разумно необходимого уровня. Гастар-

байтеры позорят нацию, которая расписывается в том, что не способна самостоятельно поддерживать себя.

Также национализм не совместим со сложившейся практикой градостроительной политики и расселения народа. Сосредоточение населения в городах-мегаполисах заталкивает человечество в бетонные лабиринты, где культивируется «каменный век» человеческих отношений. Именно в мегаполисах проще всего создать условия, ведущие к слому человеческих душ и растлению их плодами «общечеловеческой цивилизации». Именно мегаполисы ограничивают рождаемость.

Город, вырождаясь, из сообщества интеллектуалов, ремесленников и заводчан превратился в сообщество производителей развлечений и денежных суррогатов, обращаемых бюрократией. Эта паразитическая среда требует целой инфраструктуры персонала, чтобы высасывать соки из страны, и нанимает гастарбайтеров на самые простейшие работы, которые превращены в «нечистые» и «непрестижные».

Противоречия между национально ориентированными секторами экономики и олигархией с ее армией бюрократов, гастарбайтеров и этническим криминалом закладывают конфликт, который должен быть разрешен в пользу национального производителя. Малый и средний город с традиционным укладом жизни должен победить космополитичный мегаполис. Националист должен победить эгоиста (либерала и социалиста). В противном случае прозябание нации закончится для нее летальным исходом.

Любовь к Отечеству начинается с любви к «отеческим гробам» и любви к своей семье – семье своих родителей и своих детей. Эгоизм, ставший для людей пропагандистским соблазном в учениях либералов и социалистов, ве-

дет к распаду семьи, сокращению рождаемости и к утрате мотивов к труду. Нет будущего у тех народов, которые позволяют себе превращаться в «общество потребления», развращать молодое поколение деструктивными развлечениями и праздностью. Если нация подчиняет себя либеральным ценностям или марксистским догмам, то она рано или поздно теряет независимость, а потом исчезает из истории.

Отечество для националиста выражается не только в исторических преданиях, символах веры, кодексе чести, но и в зримом наследии отцов – в патриархальной семье. Нет основы общества – здоровой семьи – нет и основы патриотизма. Нет семьи – и демографический кризис убивает всякие перспективы развития нации, подводя черту под ее существованием в самое ближайшее время. Именно семья является основой нации. Поэтому по семье приходится жесточайший удар социалистических и либеральных доктрин и практик, обслуживающих олигархии.

Националисты выступают за увеличение рождаемости, за здоровую семью и ограждение нации от разврата, «сексуальной революции», «свободной любви». Если в странах, подражающих «демократиям», стало нормой рождение одного ребенка в семье – родителям на утеху, нации на погибель, то националисты видят будущее нации только при обращении всей социальной политики на задачи реставрации семьи, семейных ценностей, чадолюбия, моды на многодетность.

3.10. Смута глобализма

Идеология глобализма, использующая в разных случаях то либеральные, то социалистические догмы, пытается по-

корить мир, прибрать к рукам все народы, украсть суверенитет всюду, где он еще не уничтожен окончательно. К власти пытаются приводить марионеток, обслуживающих интересы мировой олигархии. Говоря о цивилизации, насаждают варварство. Говоря о мире, развязывают войны. Прославляя гуманизм, пропагандируют жестокость. Обещая прогресс, ведут к духовной и физической деградации, к гибели рода человеческого.

Крах глобализма с его порочными идеями и варварской практикой неизбежен. Потому что люди никогда не откажутся от своей семьи, своего рода. А через понимание родства они будут осваивать и понимать национальное, ценность суверенного государства, защищающего всех граждан. Сам страх смерти должен остановить гибель государств, а с ними – элементарного социального порядка, который организует жизнь общества и подавляет преступность. Национальный суверенитет оказывается незаметным гарантом обращенной к людям правовой системы, которая подменяется либеральной догмой о «правах человека» и делает человека беззащитным перед произволом. Разрушению наций противостоит человеческая натура, которая насыщается смыслами не только через чтение газеты или просмотр телевизионной «жвачки». В человеке укоренены его предки, от которых исходит священное предание, гордость за свой народ, эмоциональный подъем от ощущения национального единства. Духовно свободный человек не видит в том, что ему пропагандируют глобалисты, никакой пользы. Он знает, что рожден для труда и испытаний. Он рожден, чтобы быть героем и подвижником, а не потребителем и лежебокой.

Националистам нельзя быть аморфной массой, распределенной на группы, отстраненно обсуждающие проблемы мира за чайной церемонией. За свои права надо сра-

жаться. Необходимо отстаивать свои интересы и в идеологии, в политике, в сопротивлении врагам своего Отечества и человечества в целом. Националист должен выступать как освободитель стран и народов от олигархии, от бюрократического плена, от смуты глобализма. Национализм обязательно победит, ибо на грани жизни и смерти выбор в пользу национализма означает выбор в пользу жизни. Смутное время «общества потребления» заканчивается, наступает время преодоления глобализма, время освобождения наций, время созидательного труда и творчества.

4. Национальная экономика

4.1. «Свободный рынок»

Человеческие сообщества – нации и государства – вступили в третье тысячелетие с баснословным по количеству и качеству вещным, техническим, интеллектуальным и культурным богатством. Казалось бы, масса благ, произведенная и обращаемая трудом всего человечества, дает такое количество разнообразных продуктов, что может обеспечить на каждом освоенном клочке земли достойные условия жизни подавляющему большинству людей, предотвращая социальные бедствия: массовую безработицу, голод, бездомность, эпидемии. Реальное положение дел опровергает этот вывод. Многократно увеличившаяся в сравнении с прежними эпохами масса товаров и услуг, создаваемая все более эффективными средствами техники и все более совершенными технологиями, не улучшает качество и уровень жизни, а концентрирует богатство в руках немногих, создает потребительское рабство, не удовлетворяет жизненных потребностей людей.

Разрыв уровня доходов бедных и богатых в начале XXI века стал резко увеличиваться. Разделение жителей планеты на тех, кто купается в роскоши, и тех, кто прозябает в трущобах в ужасающей нищете, не имея необходи-

мой пищи, воды, медицинского обслуживания и доступа к образованию, стало вопиющим. Войны и революции ничего не изменили. Государства Запада лишь за счет «выжимания соков» из остального мира на некоторое время организовали для себя системы социального обеспечения. В начале XXI века они трещат по всем швам, а миграционные потоки создают новые слои пауперов, готовых сокрушить исторические нации.

Экономические отчеты о предсмертных конвульсиях одних стран и неслыханном благополучии других, действующих вроде бы по одним и тем же схемам и критериям, фиксируют результаты вульгарного шулерства: в них механически суммируют реальные ценности и фикции, истинное материальное и духовное богатство и финансовые «пузыри», деньги, сохраняющие присущие им свойства, и их суррогаты, не имеющие никакой реальной ценности. Они – всего лишь слабое отражение действительной картины господствующих в мире экономических процессов, почти не реагирующее на замену реальной экономики виртуальной – биржевыми фантасмагориями.

Тайны немногочисленных экономических центров, где происходят денежные обряды и совершаются финансовые жертвоприношения, уже не представляют никакого секрета. Они никого не компрометируют. Их выставляют напоказ, словно проституток в витринах домов терпимости Амстердама. Финансовые махинации и манипуляции, достигшие невиданных размеров, совершаются в интересах олигархии, чьи личные состояния охраняются примерно 500 корпорациями и 100–150 транснациональными банками. Каждая семья финансового олигарха обладает таким же количеством денег, какие получает 20 миллионов прочих жителей Земли. Само собой разумеется, что эти богатства не продукт кропотливого труда и даже не результат

пресловутого «первоначального накопления», происходившего в эпоху мануфактур, географических открытий и пиратства. Теперь богатство произрастает из административных злоупотреблений, биржевых афер и преступлений особой тяжести, которые сплачивают общим интересом чиновников и финансовых махинаторов. Не секрет, что мировой рынок, управляемый бюрократией и контролируемый олигархией, стоит на прибылях от торговли нефтью, оружием, наркотиками, драгметаллами, порнографией и – деньгами. Все остальные виды товаров, включая, например, продовольствие и медикаменты, существуют лишь постольку, поскольку они также приносят олигархии немалые прибыли и без них человечество еще не научилось обходиться.

Подобно древним, верящим, что земная твердь покоится на слонах, стоящих на огромной черепахе, современный обыватель утвердился во мнении, что духовные, социальные и экономические процессы имеют единственную неколебимую опору – деньги. В послевоенные годы эта догма облеклась в формулы монетаризма – дошедшего до безумия поклонения деньгам.

Современные жрецы денег мало чем отличаются от жрецов древности, которые придавали значение непререкаемого религиозного откровения своим взглядам на устройство мира. Желание ограничить государство в экономике лишь заботой об обращении денежной массы является одной из основ глобализма – этой новой религии со своими догматами и идолами.

Соблазн насытить экономику деньгами через контролируемые бюрократией структуры порождает безудержную инфляцию. А после инфляционного шока, уничтожившего все накопления граждан, монетаристы приступают к «сжатию денежной массы» – фактически лишая производство

оборотных средств и добивая платежеспособный спрос. Это время финансовой деятельности, сравнимой с грабежом: выжившие в условиях шока и вставшие на ноги предприятия становятся добычей кредиторов – крупнейших денежных мешков. Захватив предприятия, они не заботятся о выпуске продукции, а запускают новый финансовый цикл, в котором материальные ценности подчиняются фикции. Вся экономика начинает превращаться в сплошную денежную спекуляцию.

Только простаки могут верить, что при контроле денежной массы «невидимая рука рынка» решит все проблемы. Те правительства, которые дали себя уговорить и последовали такой стратегии, опустошили свои бюджеты и разорили свой народ. Не только потому, что мировую валюту контролировали другие центры принятия решений, но и потому, что правительство прекратило заботиться о благе страны и граждан. Не являясь центром эмиссии мировых валют и имея открытую экономику «свободного рынка», правительства, вставшие на путь монетаризма, становятся убийцами национальной экономики.

4.2. Деньги и товар

С развитием материального производства был создан многообразный мир вещей, неведомый в древности. Торговля превратила вещи в зримый соблазн, а обладание вещами – в вожделенную мечту нестойких натур. С развитием денежного обращения возник новый идол – деньги. Вещи, означающие статус богача или правителя, стали фетишами, деньги – символами потенциального обладания любыми вещами, а также средством удовлетворить с их помощью любые желания. Куски металла или стопки банкнот, а ныне – денежные суррогаты и абстракции электрон-

ных записей для множества людей стали мерилом и содержанием всей их жизни. Этим обусловлено появление разнообразных экономических теорий и хозяйственных практик, в которых не осталось ничего живого – только денежные расчеты.

Денежный фетишизм, придающий деньгам свойства универсального и всесильного товара, который обменивается на любые блага и ценности, превращает весь мир в базар, все человеческие отношения – в торговлю. Коммерция, купцы, посредники, морские порты и города-ярмарки приобретают непомерную значимость, отодвигая на задний план все остальное. Средства пропаганды, развернутые олигархией по всему миру, склоняют людей, целые народы к тому, чтобы поклоняться «золотому тельцу», обладающему таинственной силой. Подчинение этой силе дает олигархии многочисленную и легко управляемую массу рабов.

Деньги на протяжении большей части своей истории имели товарное наполнение. Поэтому представления людей о природе денег не выходили за пределы мира вещей. Деньги казались вещью – одним из товаров, который в силу присущих ему свойств стал выполнять функцию универсального товара. Появление бумажных денег обусловлено страстью фетишистов, которые готовы были обладать если не самой универсальной вещью (золотой монетой или слитком), то хотя бы распиской в том, что они имеют право на эту вещь, – банкнотой. И все же за банкнотой, монетой, слитком угадывалось вещное богатство, а деньги помогали не только ростовщикам и спекулянтам, но и обмену товаров и учету издержек.

Банковская система воспользовалась изобретением банкноты, чтобы сконцентрировать разрозненные ресурсы инвесторов и толкнуть вперед развитие индустрии.

Но с течением времени денежный фетишизм поразил финансовую систему, в которой новые финансовые изобретения сделали реальные товары ненужными. Финансы отделились от производства, но вовлекли в игру фальшивыми ценностями все богатства мира, потопив их в фикциях. Возникла новая форма обретения реального богатства – за счет финансовых операций, под метелку вычищающих кассы заводов и фабрик. Деньги, утратив товарное наполнение, превратились в «кровь» финансовой системы. А последняя стала средством присвоения любых богатств, престижа, власти.

Нельзя утверждать, что «золотой стандарт» есть лучшее обеспечение стабильности денежного обращения. Например, поток золота в Европу после открытия Нового Света привел к резкой девальвации монеты. От этого товарообмен пошатнулся, но не исчез. Но соблазн выпускать денег больше, чем требует товарооборот, когда взамен монетам пришли банкноты и казначейские билеты, оказался для многих государств выше, чем желание сохранить стабильность экономики. Сначала открытая, а потом скрытая инфляция превратила нации в заложников правительств и их тайных махинаций с денежными знаками.

«Золотой стандарт», по которому денежные знаки обеспечивались золотом и другими активами государства, всегда был обманом. Потому что реального обмена купюр на золото не было. Как только такой обмен стал более или менее массовым в отношении доллара, США объявили об отмене «золотого стандарта». Тем самым деньги в мировой торговле, как и в большинстве национальных экономик, окончательно перестали быть посредником при реальном товарообмене. Деньги из товара стали средством обращения за счет изъятия из товарооборота прибыли, предназначенной для развития производства.

Когда долговые обязательства в виде векселей стали обращаться наравне с деньгами, произошло возвышение банкиров над производителями. В результате банки получили контроль над распределением прибыли, оставив в руках предпринимателей в лучшем случае минимальный доход. Реальный сектор экономики стал зависимым не от потребностей жизни, а от потребностей финансовой системы. Предприниматель, чья творческая активность должна служить производству, стал рабом этой системы, постоянно шантажируемым угрозой банкротства. Финансовая система отодвинула в сторону и государство, размыв его монополию на эмиссию денег.

Денежные суррогаты захватили не только текущее производство, но и прибыль будущих поколений. Пуская в обращение все новые и новые денежные суррогаты, финансовая олигархия действует как фальшивомонетчик, который целью своей деятельности ставит присвоение ценностей, произведенных людьми в натуральном виде, и выступает как вор по отношению к будущим поколениям.

Окончательную дематериализацию денег произвела революция в технике – изобретение персональных компьютеров и магнитных карт. Образовалось две экономики: новая – виртуальная и старая – товарная. Однако сохранение за деньгами статуса товара и правил, существующих в отношении товара, – естественных, вытекающих из природы человека как производителя материальных благ и необходимости обмена ими, – обернулось деградацией экономических механизмов. Будучи знаками рационально создаваемых отношений, деньги продолжают выдаваться за универсальный товар, свободный от всякого разумного регулирования.

Бесконтрольное развитие денежного обращения вне монополии государства на установление норм экономи-

ческих отношений привело к появлению разнообразных денежных суррогатов. Источник экономических кризисов, безжалостно уничтожающих материальные условия жизни людей, который прежде заключался в товарном перепроизводстве, теперь кроется в перепроизводстве денежных суррогатов, обращаемых уже не владельцами каких-либо вещей, а владельцами «нетоварных денег» – сфабрикованных экономических отношений. Эти отношения, реализуемые через финансовую систему, позволяют олигархиям присваивать любые результаты экономической деятельности, а также для поддержания своего господства покупать политиков и генералов, финансировать войны и революции.

Реальное производство и оборот вещных и интеллектуальных ценностей, с одной стороны, и производство и оборот суррогатов – с другой, обречены на непримиримое противостояние. Нациям необходимо материальное производство и оборот реальных ценностей, олигархиям – господство финансовой системы и оборот фиктивных ценностей, в сотни раз превышающий оборот товаров.

Чтобы освободиться от рабства у финансовой олигархии, нациям необходимо восстановить свою власть над экономическими отношениями: урегулировать их так, чтобы финансовая система вновь подчинилась нуждам производства. В национальной экономике пирамида экономических отношений должна быть перевернута. На вершине экономических отношений должен стоять производитель товаров. Товарные потоки должны быть организованы без лишних посредников, без обособления торговли от производства, без шантажа производителя монополистами в виде оптовых баз и сетевых магазинов. Производство и торговлю должны обслуживать финансовые учреждения, лишенные права получать прибыль за счет процентов при обращении денег.

Самый решительный удар по олигархии – лишение финансовых институтов права «торговать деньгами» и получать ссудный процент. За банковской системой могут быть оставлены только функции инвестирования и получения инвестиционной прибыли, взаиморасчетов между предприятиями, сбережения и консалтинга. При этом сберегательная функция должна остаться исключительно за государством, которое гарантирует вклады граждан от инфляции, обеспечивая их золотом или начисляя на сбережения инфляционный процент. Банки должны стать союзниками промышленников на ключевых направлениях индустриализации, получающими долю прибыли, а не процент от вложенных средств.

Для предотвращения негативных явлений, проистекающих из отрицательных свойств «нетоварных денег» – этой родины безродных, необходимо отказаться от единой мировой валюты, не имеющей реального товарного наполнения и привязанной к одному центру эмиссии мировых денег, поддержанному множеством центров эмиссии денежных суррогатов. Задача, которую должны решить свободные нации, – определение нового эталона стоимости, который должен носить безусловно природный характер, иначе человеческая натура сможет придумывать все новые «эквиваленты». Сегодня, несмотря на отказ от «золотого стандарта», государства по-прежнему свои накопления стараются формировать не только в валюте иностранных государств, но и в золоте, формируя тем самым золотовалютные резервы. Поэтому один природный эквивалент, количество которого не определяется решениями эмиссионных центров, уже существует и нескоро будет забыт человечеством.

Результаты развития свободных наций зависят от них самих: от того, как они сами сформируют правила конку-

ренции товаропроизводителей, антимонопольную политику, законы внешней торговли и передвижения капиталов за пределы государственных границ; от того, как товарное производство будет связано с финансовой системой. Рецептов здесь множество, и каждое государство должно само выбрать свой вариант исходя из своих особенностей. Но общим делом свободных наций является освобождение от финансового рабства у олигархии.

4.3. Протекционизм

Мировая торговля всегда имела целью использовать преимущества высокоразвитых экономик над низкоразвитыми. С течением времени мировая торговля превратилась в систему неэквивалентного обмена, обирающего страны, не умеющие защитить свой суверенитет. Мировая олигархия заставляет государства с подорванным суверенитетом обмениваться товарами себе в ущерб и строить хозяйственный механизм в своих странах в угоду тем, кто забирает у них львиную долю национального достояния.

Основные принципы отношений между нацией и внешними экономическими субъектами сформулированы более 200 лет назад Фихте, который указывал, что государство должно замкнуться от иностранной торговли и образовать «такой же обособленный торговый организм, какой оно уже образовало – обособленный юридический и политический организм». Нации, намеренные вернуть себе экономический суверенитет, должны прекратить неэквивалентный обмен товарами с другими странами.

Что может быть проще: вывоз возможно более обработанного товара, а ввоз – возможно менее обработанного! Тогда труд оценен высоко, и нет необходимости рас-

трачивать природные ресурсы, принадлежащие будущим поколениям. Именно так в своих работах, посвященных протекционизму, видели защиту внутреннего рынка от иностранных товаров Фридрих Лист и Дмитрий Менделеев. Именно так – заградительными пошлинами – действовали США в начале своей истории, обеспечив невиданный экономический подъем. Так поступила и Англия в момент своего становления как морской державы, введя свой протекционизм в виде навигационного акта, а затем два столетия придерживаясь его. Последующий отказ от замкнутости дал ведущим державам товарный и финансовый инструмент, за счет которого начался захват богатств всего мира. Но он же открыл их рынки и постепенно лишил их производства конкурентных преимуществ в сравнении с теми, которые были построены в бывших колониях, где за счет дешевой рабочей силы создаются более дешевые товары.

Эти примеры свидетельствуют, что только укрепившиеся в стабильном и независимом развитии страны могут позволить себе конкурировать на открытом рынке. Тем не менее существование «открытой экономики» связано с исчерпанием преимуществ, ослаблением экономической экспансии и утратой хозяйственного суверенитета. Этот процесс обозначен наметившейся деиндустриализацией США и очевидной утратой Великобританией роли ведущей промышленной державы.

Построение «замкнутого торгового государства» предполагает заградительные пошлины для иностранных товаров и протекционизм в отношении отечественного производителя. В то же время протекционизм не может быть тотальным, иначе производители внутри страны не будут иметь стимула к развитию и инновациям. Зарубежные товары, присутствующие на рынке, должны за счет пошлин

быть дороже отечественных в аналогичном классе товаров, но в целом доступными. Это создает здоровую конкуренцию и подхлестывает развитие отечественных отраслей экономики.

Государство обязано заботиться о том, чтобы производить максимально возможную номенклатуру товаров, необходимых для жизни нации, и не искать возможностей расширения импорта. Любая зависимость от импорта – это лазейка для мировой олигархии, для порабощающего нацию глобализма. Государство обязано стимулировать импортозамещение, поддерживая те производства, которые делают это на высоком технологическом уровне.

По мере развития собственного производства необходимо снижать пошлины и тарифы, стремясь включать в сферу своего влияния и иные рынки. Однако внешнеэкономические цели не должны доминировать. Если заводы и фабрики ориентируются на зарубежного потребителя, то рано или поздно они попадут в зависимость и будут разорены. Ориентация на внешнего потребителя опасна влиянием кризисов чужих экономик, на которые национальное правительство не может в должной мере отреагировать.

Любое государство, желающее защитить себя от разграбления, обречено на определенного рода изоляционизм, фильтрующий неблагоприятные экономические отношения, проникающие из-за границы. Но разумная экономическая политика не может устанавливать «железный занавес».

Международный обмен товарами неизбежен, поскольку необходимо иметь средства на закупку техники и природных ресурсов, отсутствующих в стране. Продукты питания, которые невозможно вырастить из-за климатических

условий, тоже можно приобретать за рубежом, но они не должны быть столь же доступными по цене, что и местные, а в перспективе необходимо находить им замену в отечественном производстве. Обмен с другими государствами может оказаться необходимым также в случае неурожаев и стихийных бедствий. Однако надо учитывать, что, не отстаивая свой хозяйственный суверенитет, можно быстро лишиться и политического суверенитета. Состояние национальной экономики определяется не положительным торговым балансом, а мощностью национальной индустрии и сельского производства, их восприимчивостью к новым технологиям и управленческим схемам. Нация благополучна, если в экономике на первом месте стоят интересы производителей, когда чиновники не смеют командовать частным производством и препятствовать выпуску продукции, когда законы и налоговая система просты и доступны пониманию каждого человека, когда система образования обеспечивает экономику квалифицированными и ответственными кадрами. В этом случае отрицательный торговый баланс означает только колебания обменного курса валют. При этом производство не сокращается, а нация живет в достатке.

4.4. Национализм и глобализм

Все независимые рынки, все неподотчетные олигархии экономики находятся под угрозой агрессии. При этом историческое наследие оставило для организации интервенции множество поводов, среди которых – неурегулированный статус территорий, переходивших ранее из рук в руки (Косово, Кувейт) или географическая открытость территории (необустроенная южная граница России). В этих вопросах экономика соединяется с проблемами геополитики,

а экономический национализм сталкивается с олигархическим глобализмом.

Для обеспечения нормального экономического развития каждое государство должно стремиться войти в свои естественные границы и строить свою самодостаточную систему. В ней не должно быть таких противоречий, которые ведут к распре между народами или к попыткам других государств вернуть ранее захваченные у них территории. Естественные границы – это географически и культурно обусловленные пределы. Если нация не ощущает этих границ, она растрачивает свои силы в войнах и подавлении мятежей.

Национализм и глобализм находятся в неразрешимом противоречии. Национализм обеспечивает суверенитет нации и свободу личности в рамках этого суверенитета, ограждающего от разбоя олигархии и транснациональных корпораций. Глобализм, наоборот, ссылаясь на выдуманную универсальность «общечеловеческих» законов, направляет свои усилия против интересов наций и национальных государств, подменяя взаимодействие наций их отрицанием, диалог культур – интернационализмом, национальную культуру – мультикультурализмом. Национализм защищает свою экономику таможенными пошлинами, обеспечивая всем субъектам экономической деятельности равный доступ к международной торговле, а глобализм с бюрократией создают систему квотирования для своего обогащения.

Национализм поддерживает нацию и реальное товарное производство, глобализм – олигархию с ее фиктивными капиталами, разрушающими реальную экономику. Глобализм ищет чужого через подкуп капиталами лиц с преступными наклонностями и готовностью к измене интересам своей нации, а национализм охраняет свое и отстаивает независимость своей нации.

4.5. Национальная экономика

Если не выстроены схемы движения товаров внутри государственных границ и не определены потребности и возможности территорий в зависимости от климатических и географических условий, то невозможно правильно развить экономику страны. Национально мыслящее правительство будет исходить из реальных потребностей страны, а не из «общепринятых норм». Там, где зима длится более шести месяцев, государство должно стремиться снижать стоимость энергоресурсов. Те государства, которые имеют протяженные транспортные магистрали, должны обеспечить минимальную стоимость перевозок, чтобы удаленные от развитых регионов территории не деградировали и могли предоставить всем гражданам общие для нации стандарты жизни.

Национальная экономика должна производить товары, а не денежные знаки или бухгалтерские отчеты. Только реальный товарный обмен важен для благополучия нации, а вовсе не финансовые потоки. Если правительство умеет считать только деньги, если главной своей задачей видит выбивание налогов, то гибель экономики не за горами. Если правительство отчитывается перед нацией объемом иностранных инвестиций, то оно расписывается в своей неспособности наладить развитие производства без зависимости от иностранцев и мировой олигархии. Если оно видит свой успех в массе размещенных за рубежами страны «международных финансовых резервов», то оно заботится о чужой экономике и равнодушно к своей.

Те государства, которые стремятся к «открытой экономике», рано или поздно входят в неразрешимые противоречия с мировой торговой и финансовой системой. Колебания спроса и предложения на внешних рынках грозят

крахом национальной экономике, ориентированной на зарубежного потребителя, а свободное перетекание капиталов может мгновенно обескровить собственный хозяйственный организм. Поэтому национальная экономика должна выстраиваться как независимая система, готовая обеспечить страну всем необходимым даже при полном прекращении поступления товаров из-за рубежа. При этом внутренний рынок должен быть гарантирован от поглощения внешними рынками. Но ограничение свободного движения товаров и капиталов за пределы страны может быть обусловлено только созданием гарантированных условий их обращения внутри страны: стабильных и справедливых правил экономической деятельности, честной судебной системы, разрешающей хозяйственные споры.

То же самое касается трудовых ресурсов. Если беспрерывно ввозить в страну непритязательных гастарбайтеров – этих современных кочевников, готовых порушить все цивилизации, встретившиеся у них на пути, то нет шансов развить современные производства и территории страны. Ведь экономика нации напрямую зависит от трудовых мотиваций и ответственности работника, его культурного уровня, усвоенных с детства правил общежития. Но чтобы устранить иммиграционные потоки, необходимо создавать соответствующие мотивации и культурные стандарты у коренных жителей страны, нужно избавлять нацию от низкоквалифицированного труда, нужно обеспечивать достойной зарплатой граждан, вынужденных замещать непрестижные профессии.

Для государства важен процесс не только прибытия трудовых ресурсов, но и эмиграция граждан ради заработка в иные страны. Если не обращать внимания на «утечку мозгов», то лучшие кадры, яркие таланты будут перекуплены мировым рынком, где они будут своим трудом созда-

вать фундамент экономического развития для других стран. В то же время закрытие границ для творческих людей будет означать угасание интеллектуального и духовного потенциала, получаемого в результате культурного диалога и научных обменов с другими странами. Сохранять интеллект нации надо не столько ограничениями, сколько созданием достойного уровня жизни, широкого поприща для проявления творческих способностей, обеспечением возможностей приобщения к сокровищам мировой культуры и мировым банкам знаний.

Частные интересы отдельных лиц неразрывно связаны с успехами государства и национальной экономики. Благосостояния для большинства населения можно добиться только при наличии национальной кооперации, разделения труда, механизмов защиты частных достижений и совместного использования общенациональных успехов и преимуществ. Труднее добиться благополучия для небольших государств, которым без организации региональной, межгосударственной кооперации не обойтись, и от того, как она будет налажена, зависит и их реальная экономическая успешность. Там, где люди находятся в постоянной борьбе друг с другом, рано или поздно экономическое развитие прекращается и наступает разруха и нищета. Там, где государство держит население в послушании закону, где право защищает богатство, накопленное трудами поколений, где беспокоятся о благе своих подданных, там благосостояние каждого будет умножаться.

Государственный механизм призван образовать обратную связь между людьми, основанную на понимании неизменности правил, сохранности имущества, защиты деловой репутации и человеческого достоинства. Если такой механизм создан, возможна успешно действующая национальная экономика. Если же обратная связь разорвана, то

гарантом благосостояния становится чиновник, принимающий произвольные решения и определяющий, кто пользуется государственным покровительством, а кто низводится до рабского состояния. Если же обратная связь пересекает границы государства, она порабощает нацию в целом, а местную бюрократию соединяет с мировой и лишает какой-либо связи с нацией.

Национальная экономика должна быть ориентирована на обычного человека, на гражданина, а не на чиновника. Экономическая свобода – это не догмат, рожденный либеральной мыслью. Это требование устранения из жизни бюрократического диктата и утверждения равенства возможностей в экономической деятельности. Либерализм, напротив, создает свободу только для избранных, подчиняя нацию «железному закону олигархии». Национализм требует постоянной деятельности государства по защите национального производителя от бюрократии, а национальной экономики – от мировой финансовой системы. Тем самым «железный закон» разбивается о «железную волю» нации. Либерализм же, проповедуя «открытость» экономики, позволяет международным спекулянтам и недобросовестным конкурентам насаждать олигархию и унижать национального предпринимателя.

В национальной экономике к производителям относят не только пролетариев и крестьян, как у марксистов, но и инженеров, художников, ученых, врачей, учителей. Все это элементы большого «производства» – производства нации. Могущество нации определяется не станками, а людьми. Богатство нации не товары, а люди. Одни могут производить необходимое для жизни, другие – творить высокую культуру, третьи – воспитывать будущее поколение, четвертые – нести ратную службу, пятые – управлять государством. Экономика нации неотделима от нее самой и

служит не целью, а средством существования нации и государства. Такое понимание экономики не вмещается ни в либеральные, ни в коммунистические доктрины.

4.6. Государственное устроение

Национальная экономика должна опираться на ведущий экономический уклад, который диктует также и устройство власти. Если в эпоху доминирования аграрных отношений государство строилось как большое поместье со всеми его функциональными элементами, перенесенными из отдельной дворянской вотчины на пространства страны, то в индустриальную эпоху появились еще два вида государств: одни ориентировались на торговлю, другие – на производство.

Государство-рынок было столь же пестрым и шумным, как рыночная площадь, и лишь внешне управлялось стихией спроса и предложения. Внимательному взгляду были видны и манипуляции товаром под прилавком, и цеховые группировки, и бдительный полицейский с дубинкой, и пронырливые воришки. Потом этот тип государства перерос в государство-супермаркет, расцвеченный рекламными вывесками и ярким оформлением витрин. В этом супермаркете уже мало что производили, но удачно торговали и отдыхали. Здесь государство обратилось в большой торгово-развлекательный центр.

Государство-предприятие выглядело как большой завод с множеством цехов. Здесь минимизировались затраты на управление, все было подчинено задачам выпуска продукции и согласованному действию всех элементов производства. На самом примитивном уровне эта модель была реализована во времена советской индустриализации, но в дальнейшем бюрократизированная управленческая систе-

ма сковала формирование высокотехнологичного государства-предприятия. Тем не менее концепция государства-предприятия сделала СССР ведущей экономической державой, способной победить в войне, создать ракетно-ядерный щит и приступить к освоению космического пространства.

Государство-вотчина, казалось бы, отступило в прошлое, но сегодня олигархия пытается восстановить рабство, а для него стремится к тому, чтобы нации согласились жить в *государстве-плантации*, где существует только три статуса: хозяева, надсмотрщики и рабы. Современным рабам предписано глазеть на витрины и телевизионные шоу. И потреблять подделки самых престижных и дорогих товаров. В большинстве случаев их труд уже никому не нужен. Нужно только их согласие признать власть олигархии легитимной, демократичной, гуманной и обязательной для всего мира.

По-настоящему современное национальное *государство (государство-община*, *государство-корпорация*) соответствует иному типу производственных отношений, которые могут использовать все научные и технические достижения, не превращая при этом человека в винтик большой индустриальной машины государства-предприятия, но также и не позволяя ему деградировать до примитивного потребителя государства-супермаркета. Развивающейся нации необходимо государство, где работа несет радость, где заботятся о детях, ценят честное слово, верят в любовь и дружбу, сопереживают общим утратам и обретениям, помогают соседям, а если придется, все вместе с оружием в руках защищают свой общий дом – родную страну. Все объединены общим проектом строительства своего государства-империи как высшей формы самоорганизации.

4.7. Налоги и национальный доход

Основными источниками поступления средств в бюджет страны является труд людей, которые ведут хозяйственную деятельность либо как частные предприниматели и владельцы предприятий, либо как наемные работники. Те и другие платят налоги. Бюджеты наполняются также налогами на имущество, денежными средствами, имитированными государством (инфляционная эмиссия), таможенными сборами и т.д. И все-таки национальный доход формируется прежде всего трудом и творчеством. Поэтому для нормального функционирования экономики необходима свобода творчества и желание трудиться. Пока налоговая система угнетает труд и творчество, бюрократия торжествует, а олигархия беспредельно обогащается. Следовательно, в налоговой системе заложено либо рабство нации (к чему стремится бюрократия и олигархия), либо освобождение нации и уничтожение порабощающих ее факторов.

Для националистов чрезвычайно важно упростить систему налогообложения до нескольких простых в расчете и понятных налогов и сделать субъектом налогообложения не предприятия, а людей. В этом случае будет изжит конфликт между работником и работодателем. С работодателя будет снято подозрение, что он обогащается за счет работника. И каждый работник будет по ведомости видеть, сколько из его зарплаты уходит на содержание государственных систем: власти, армии, соцобеспечения и т.д.

Вся система бюрократического принуждения и порабощения построена на изъятии всего или почти всего дохода человека: неважно, наемный ли это рабочий или владелец фирмы. В бюрократической системе сбор средств на госу-

дарственные нужды основан на двухуровневом перечислении налогов: сначала платит предприятие, а затем гражданин – часть своей зарплаты. Причем предприятие обязано еще оплатить и оборотные налоги с конечного потребителя (например, НДС – налог на добавленную стоимость). Так маскируется грабительская система максимального изъятия заработанных предприятием и работником средств. Что не удалось сразу получить с физического лица, собирается через косвенные налоги в виде всевозможных сборов при оформлении справок, лицензий, отчислений при вступлении во владение имуществом и т.д.

Олигархия всегда стремится удешевить рабочую силу и минимизировать затраты на развитие нации и воспитание полноценной личности. Поэтому она всегда будет душителем свободы, превращая человека в «рабочую силу». Националисты, наоборот, хотят раскрепостить человека, избавить от власти денег и сделать его гармонично развивающейся личностью – органичной частью единого национального организма. Если интересы нации возобладают, налоговая система должна быть кардинальным образом упрощена, налоговый пресс резко ослаблен, а огромные массы чиновников уволены из фискальных органов и направлены в производящие сектора экономики.

Если националисты намерены видеть каждого гражданина свободной и творчески развивающейся личностью, то и субъектом налогообложения должен быть только индивидуум, а не юридическое лицо, за которым необходимо сохранить только функцию агента по расчету налоговой базы. Если ежемесячно наемные работники уплачивают налог от реализованных товаров (оборотный) и своего заработка, а владелец предприятия еще и от своего дохода, то каждому будет ясна и воспроизведена в платежных ведомостях реальная картина налогового бремени.

Эта прозрачность выгодна гражданину (и работнику, и предпринимателю) и невыгодна бюрократии. Человек, осознавший себя полноценным субъектом экономической деятельности и оценивающий вклад, который он вносит в национально-государственное строительство через уплату налогов, становится естественным противником распространения бюрократии и глобализма.

Только человек может соединить орудия и средства производства, знания и программные продукты, капиталы и инновации. В производственном процессе человек – источник творческой энергии, концентрирующий на нужных направлениях материальные ресурсы и преобразующий их в полезные вещи и прочие товарные продукты. Мешают ему два фактора: денежная удавка – противоестественные отношения, затрудняющие производство, и бюрократическая прослойка между ним и средствами производства, извращающая производственные отношения. Пока производственные отношения искажены фикциями, пока властвует паразитическая бюрократия, граждане не могут сплотиться в полноценную нацию, а экономическая система не может стать полностью суверенной национальной экономикой и избавиться от грабежа глобальной олигархии.

Налоги должны быть простыми в исчислении и прозрачными. Примером самой простой и прозрачной системы налогообложения прежних времен является десятина – от дохода или товарооборота. Простота исчисления налога минимизирует как численность чиновников, так и возможности коррумпирования государственных служащих. Бюрократия в таких условиях не может возникнуть. Любое усложнение создает множество «специалистов» по налогообложению в государственных органах и судах, которые начинают заниматься не развитием страны, а уличением предпринимателя в ошибках и отвлечением его от

производительной деятельности. Предприниматель, путаясь в налоговом законодательстве, вынужден содержать целый штат специалистов и платить чиновникам, преследующим его со своими параграфами инструкций и разъяснениями налоговых органов. Тем самым предприниматель, а с ним и его работники становятся рабами все более размножающейся бюрократии.

Чем проще будет система налогообложения, чем яснее будет ее связь с национальным доходом, тем она будет «прозрачнее» и тем меньше в ней будет элементов, которые использует бюрократия ради закабаления производителя. Простота налоговой системы обеспечивает и снижение общего уровня налогов за счет устранения лишних поборов со стороны инспектирующих лиц. Чем меньше перераспределяет чиновник, тем проще нации производить национальный доход и тем меньше непроизводственных расходов и соблазнов для чиновника зачерпнуть из госбюджета средства на какой-нибудь грандиозный проект, сулящий коррупционерам дополнительную мзду.

Бюрократия стремится запутать не только предпринимателя, но и всех граждан, которым предлагаются фиктивные критерии оценки деятельности правительства. В бюрократической системе статистическая отчетность, как и выборы, стала изощренной формой обмана граждан с целью обогащения олигархии и манипулирования общественным мнением. Теперь модно отчитываться перед «избирателями» привлечением иностранных инвестиций и ростом ВВП (валовой внутренний продукт). От граждан скрывается, что инвестиции, поступившие из-за рубежа, обременены выплатой дохода зарубежному инвестору, что за иностранные инвестиции приходится расплачиваться, формируя потоки материальных ценностей, перетекающих в иные экономики. Скрывается, что ни инвестиции,

ни ВВП не отражают уровня благосостояния нации. Если методики расчета меняются, если в доход страны произвольно включаются разнообразные услуги и интеллектуальный «капитал», не имеющие к реальной экономике никакого отношения, то экономические показатели превращаются в пропагандистский материал, в обман.

Национальный доход – вот критерий оценки уровня благосостояния. Он образуется из доходов, полученных в сфере материального производства как вся масса ценностей, созданных заново и направленных на удовлетворение жизненных потребностей граждан. Национальный доход – это вновь созданная стоимость, возникшая как разница между всей выручкой от произведенных товаров, доставленных потребителю, и всеми затратами на их производство. Работа «на склад», услуги в сфере развлечений и частной жизни в целом, личные расходы работника и работодателя на свои нужды здесь не учитываются. Когда учету подлежит только вновь созданная стоимость, понятен уровень развития национальной экономики, размеры средств, которые могут быть затрачены на потребление частных лиц, расширение производства и содержание государственных органов. Приращение национального дохода за счет новых производств и сокращения издержек на создание единицы продукции отражает динамику развития национальной экономики. Если нация не тратит на свои социальные проекты и государственные нужды более того, что она реально заработала, то она живет по средствам и имеет все необходимые предпосылки к полноценному развитию, не обременяя долгами будущие поколения.

Для националистов важны не размеры государственного бюджета, которым манипулируют чиновники, а размеры и скорость увеличения национального дохода. Увеличение национального дохода может быть достигнуто и за

счет снижения налогов. Еще в Древнем Китае говорили: «Непомерные налоги – это обогащение врага». Врагом националистов является бюрократия, которая стремится к контролю за максимально большой долей национального дохода и национального достояния. Следовательно, националисты являются непримиримыми врагами бюрократии, утверждая принципиально иную экономическую систему, в которой налоги низкие, налоговая система предельно проста, а национальный доход по большей части минует чиновника. В такой системе граждане точно знают, сколько каждый из них отдает на содержание вооруженных сил, социальные программы и госаппарат. Что касается своих заработанных средств, то каждый сумеет их использовать более целесообразно, нежели это за него сделает чиновник.

4.8. Собственность, земля, производство

Легитимность собственности является ключевым принципом для развития национальной экономики и прочности национального единства. Целостность общности граждан может покоиться только на правовом приобретении собственности, а право – на исконном представлении о справедливости. Негласный сговор бюрократии и вчерашних разбойников, а ныне «досточтимых олигархов» не имеет срока давности, если в результате этого нарушен принцип справедливости в глазах народа. Даже закон, покрывающий воровство, не может быть гарантией неподсудности вора в будущем – когда этот закон будет отменен национальной властью. Всякое право собственности будет абсурдом, если действующая система отношений собственности не даст жить большинству. Если для одних собственность доступна, а у других нет никаких возможностей

ее приобрести, то общество идет в тупик и расслаивается на кланы, ведущие между собой непримиримую борьбу.

Товарный производитель стоит в национальном государстве на особом счету. Ему необходимо обеспечить возможность свободного доступа к рынку сырья и материалов для его производства и обеспечить свободный сбыт произведенных товаров. Либеральная система, ориентированная на движение капиталов, ставит прямо противоположные цели. Сырье и материалы, являясь биржевыми спекулятивными товарами, становятся дороже за счет банковских процентов по кредитам и многократных посреднических операций, а рынки сбыта сжимаются сетевыми структурами, лишая производителя всей созданной им добавочной стоимости. Бюрократия к этому процессу (либеральная монополизация) добавляет различные процедуры по квотированию и лицензированию (бюрократическая монополизация), делая производство еще более уязвимым. Либералы требуют минимизации роли государства в экономике. Националисты требуют минимизации роли чиновника и его произвольных решений; роль государства они видят в разворачивании крупных инновационных производств и в контроле за стратегическими отраслями, где риск монополизации слишком велик, а коммерческий риск слишком опасен для нации. Государство обязано планировать развитие нации на отдаленную перспективу, которая не видна частным предпринимателям или находится за пределами их экономических интересов. Роль государства должна проявляться в размещении госзаказов на продукцию стратегического значения и во внедрении новейших технологий, имеющих значение для развития национальной экономики в целом.

Все это будет приносить плоды только в одном случае: если бюрократия будет подчинена нации. Сами по себе

чиновники, даже имея всю полноту власти в административном и хозяйственном управлении государством, не могут обеспечить эффективного функционирования экономики. Яркий пример тому – советская система, основанная на бюрократической уравниловке. Она создала передовые производства, но живая ткань экономики в целом так и не была создана, поскольку подавлялась частная инициатива, творческий труд, ответственность каждого за свое дело, а новые технологии вязли в бюрократических согласованиях.

Частная и коллективная собственность в сельскохозяйственном производстве также по-разному видятся в олигархической экономической модели и в модели национальной. У либералов-монетаристов государство устраняется от регулирования сельскохозяйственного производства, оставляя сельского производителя один на один с оптовыми покупателями, которые, формируя рынок закупочных цен, заставляют продавать продукцию ниже себестоимости. Заниженные цены на продукты питания на время создают горожанам хорошее настроение и обеспечивают лояльность к правительству, но для села становятся разорительными.

Бюрократия создает противостояние между городом и деревней, при котором сельский производитель полностью лишается надежных гарантий поддержания производства и приемлемых условий для жизни сельских тружеников. Чтобы селяне не имели возможности перебраться в город, создаются всевозможные преграды – например, за счет высоких цен на городское жилье. У этих «крепостных» современной сельской экономики через залог изымают земли, а их самих оставляют прозябать в нищете. Нация раскалывается на городское большинство и вымирающее и бесправное сельское меньшинство. И только в са-

мых богатых странах, где перекосы бюрократической системы компенсируются громадными субсидиями, сельское хозяйство процветает, будучи исключенным из экономического механизма и во всем зависимым от бюрократии.

Сельскохозяйственное предприятие может сосуществовать успешно только при условии, что земельный участок не будет дробиться до бесконечности и что государство будет стоять на страже интересов нации, установив твердые цены, по которым оно будет закупать продукты питания, если покупатель по более высокой цене не найдется в частном секторе. Такая политика – необходимое условие нормального функционирования сельхозпроизводства и сельхозпереработки. В этом случае другие операторы не отстраняются от свободного рынка, но свои закупки могут вести по ценам не ниже установленных государством, тем самым обеспечивая рентабельность сельскому производству. Влияние государства на формирование политики в земельном вопросе должно быть определяющим. Земля не может быть предметом залога и входить в конкурсную массу при банкротстве. Пахотная земля, сельские угодья имеют такое же значение для государства, как и полезные ископаемые. Варварская эксплуатация земли, перевод пахотных земель и лесного фонда под жилищную застройку, захват водоохранных зон – все это примеры бюрократического расточительства и расхищения национального достояния.

Забота государства о сохранности сельхозпроизводства должна быть такой же, как забота о своей армии и ее солдатах. Можно наказать проворовавшегося управляющего или отдать под суд трусливого солдата. Но национальные интересы требуют, чтобы изменение в численности армий и в назначении использования земель были под полным государственным контролем. При любой смене собствен-

ника, при любых трудностях землепользования процесс сельскохозяйственного производства не должен останавливаться. Страну надо кормить каждый день, поэтому для остановки сельского производства не может быть никаких оправданий. И это совместная ответственность предпринимателя и госслужащего.

Современные средства производства, технологии и коммуникации создают возможность для каждого владеть землей, обрабатывать ее и жить в бытовых условиях, близких к городским, пользуясь при этом простором приусадебных участков, питаясь свежими продуктами и наслаждаясь чистым воздухом и красотой природы. Все это позволяет, наделяя людей землей, расселять мегаполисы – эти крематории национального духа – и обеспечивать необходимый баланс численности населения. В просторных жилищах могут создаваться большие семьи, работающие как в городах, так и на своей земле, в условиях, когда современные транспортные магистрали и средства коммуникаций обеспечивают доступность к городским и сельским профессиям, национальной и мировой культуре. Именно такое направление воспитания «чувства собственника» – домовладельца должно стимулироваться национальным правительством, глядящим в будущее.

4.9. Пенсионное обеспечение

Пенсионное обеспечение часто становится поводом для политических сражений между либеральными и социальными партиями, предлагающими различные способы наполнения пенсионных фондов и использующими пенсионеров как объект пропаганды в избирательных кампаниях.

Пока нация молода, многочисленные поколения трудоспособных граждан могут содержать поколения, утратив-

шие трудоспособность. Но по мере увеличения продолжительности жизни без увеличения пенсионного возраста груз, возлагаемый на плечи трудоспособных граждан, увеличивается все больше.

Европейские и некоторые азиатские нации давно испытывают трудности в поддержании достойного уровня жизни пожилых поколений, первоначально сильно завысив его. Теперь государства пытаются изменить пенсионное законодательство, переложив ответственность на частные пенсионные фонды. При этом предполагается, что каждый сам будет «зарабатывать себе на старость» и развивать разнообразные формы страхования на случай инвалидности. Тем самым государство обкладывает своих граждан еще одним налогом, который собирается впрок, но, существуя в денежной форме, не обеспечен будущим производством товаров.

В национальном государстве нет необходимости в принудительном накоплении. Если вся нация создает свой национальный доход, то и вся нация может пользоваться его плодами. Часть средств от этого дохода должна идти на государственные нужды, а часть – на социальные нужды, в которых одно из главных мест занимает пенсионное обеспечение. Пенсия рассчитывается не в денежной форме, а в доле текущего национального дохода. При утверждении бюджета государство должно ежегодно формировать расходы, которые оно может себе позволить на пенсионеров. Распределено может быть только то, что нация заработала в истекшем году.

Открытость данных о национальном доходе, налоговой системе, доле бюджетных расходов, направляемых на пенсионное обеспечение, дает каждому поколению мотив, чтобы стремиться к максимальной отдаче в общенациональном деле – поддержке производителя, повышении эф-

фективности труда, подавлении бюрократии, тунеядства и воровства.

4.10. Богатство и бедность

Если понимать богатство только как набор материальных благ и возможностей пользоваться разнообразными услугами, то справедливо будет евангельское утверждение, что богатому так же сложно попасть в Царство небесное, как верблюду пройти сквозь игольное ушко. Такое богатство идет только во вред личности. Но также вредно и понимание бедности исключительно как недостатка материальных благ. Тогда бедняк может мечтать только о том, чтобы ограбить богатого и занять его место, помыкая теми, кто такой захват осуществить не смог.

Чтобы социальный конфликт между богатством и бедностью был изжит, необходимо понять, что бедность – общая проблема, затрагивающая все слои общества, а позитивный смысл частного богатства возникает, когда в нем заложено изживание бедности как таковой. Проще говоря, богатство оправдано, если оно становится источником увеличения хозяйственной мощи нации и способствует ее нравственному и физическому здоровью. Одно дело, когда богатство паразитирует на денежном дефиците и несовершенстве финансовой системы, другое – когда оно организует производство, воспроизводя рабочую силу (включая рабочую силу самого предпринимателя) и производственные системы. Одно дело – стричь купоны, другое дело – создавать производство. Первое – форма паразитизма, второе – достойная уважения деятельность.

Богатство – это соблазн, склоняющий предпринимателя отказаться от труда и превратиться в паразита-рантье. Отсюда возникает риск нравственного падения и духовного

заблуждения, чреватый распадом личности. Соответственно предпринимательство – рискованное дело еще и с этой точки зрения. Но наша оценка предпринимателя должна исходить из того, есть ли предпринимателю что терять в духовном смысле. Если он заведомо лишен совести, то ему нечем рисковать – он в духовном смысле оказывается нищим.

Рентные настроения в связи с надеждами на чудесное обогащение опасны тем, что парализуют экономику: бизнесменом становится не организатор производства, а финансист, манипулирующий мнимыми величинами, абстрактными сущностями. Рентные настроения угнетают любовь к труду, заставляя доверяться финансовым аферистам и организаторам разного рода лотерей и маркетинговых пирамид. Массы потенциально трудоспособного населения бросаются в несообразно распухающую сферу обслуживания роскоши и изощренных услуг, также превращаясь в рантье или в их персонал.

Олигархическая модель государства предоставляет возможности экономической активности преимущественно в обслуживании ренты, посредничества, примитивной спекуляции. Рента угнетает труд и делает предпринимательство зависимым от массы паразитических структур. Национальное законодательство должно стать преградой этому злу, возложив дополнительное налоговое бремя на ренту и роскошь, превратив обслуживание праздности в малопривлекательный вид бизнеса.

4.11. Экономический базис национальной элиты

В XX веке произошло смещение в системе ценностей, и к элите общества стали причислять не героев и мудрецов, а богачей и правителей, независимо от их нравствен-

ных качеств и плодов их деятельности. Формирование «элит» вопреки интеллекту и заслугам повлекло за собой деградацию общественных институтов и заложило основу кризисным явлениям во всех сферах жизнедеятельности человека.

Проблема современных обществ состоит в том, что государственная служба полностью оторвана от интересов нации и государства. Судьба государственного чиновника и его материальное благосостояние зависят только от его положения в слое госуправленцев и возможностей участия в коррупционных процессах. Кроме того, госслужба не образуется национальной элитой. После крушения аристократий «элиты» – это скорее олигархия, а не первые люди государства, кровно связанные с ним.

Деградация и предательство элит всегда вели к краху государства. Устоять перед различными угрозами государство может, когда элиты вписываются в экономическую модель и имеют в ней законное место, принятое нацией как должное. Либеральная бюрократия создает «элиты», которые включены в экономику только через коррупцию, а сохранение этого положения обеспечивается тотальной пропагандой, убеждающей в справедливости такой организации общества. При этом «элиты» вовсе не заинтересованы в благополучии нации и используют ее в своих корыстных целях.

Прежняя аристократия получала за свою службу государю и государству не только должности, но и земли, имущество, слуг, рабов. Ее благосостояние зависело от верной службы и ратных подвигов. Если аристократ, дворянин погибал в сражениях, его семья не шла по миру, а пользовалась приобретенными благами. Если представитель аристократической элиты уходил от дел по возрасту или по болезни, он не становился нищим: земля, полученная за

службу, кормила его и его семью. С возникновением мощной индустрии аристократия потеряла экономический базис, а налоги на имущество и наследство уничтожили достояние аристократов. Они вынуждены были уступить инициативу чиновникам, которые в трудную минуту ценили собственную жизнь выше интересов государства. По этой причине мощнейшие империи утратили устойчивость и пали.

Сегодняшняя государственная служба ничем не гарантирует положение в элите общества и не дает гарантий семье чиновника или офицера. С невероятно разросшимся аппаратом управления такие гарантии и невозможны. Поэтому чиновник стремится быть в «элите», превращая службу в род бизнеса, где коррупция является неотъемлемой частью должности.

Бюрократия предпочитает воспроизводить себя, возвышая в каждом департаменте менее талантливые кадры, чем их руководители. Такая кадровая политика заводит управление государством в тупик в течение двух-трех поколений. Власть временщиков перестает обеспечивать не только страну, но и сам бюрократический слой, который становится все более жестоким по отношению к народу, все более циничным в попрании интересов нации. Все меньше сдерживающих факторов, препятствующих обогащению за счет предательства интересов нации. На спокойную и обеспеченную старость чиновник уже не рассчитывает, стремясь обогатиться немедленно и самыми стремительными темпами.

Чтобы государственная служба формировала настоящую национальную элиту, она должна быть сопряжена не с денежными поощрениями, а с включением чиновника в экономическую систему общества, от эффективности которой зависит его благосостояние. Восстановление связи

государственной службы с национальным хозяйством и многократное сокращение госаппарата послужат формированию новой национальной аристократии, получающей статус и материальное обеспечение за службу.

Элита нации, принесшая ей существенную пользу, должна быть «привязана» к акционерным капиталам, владея «золотой акцией» – с правом получать доход, но без права вмешиваться в управление предприятием. Это создаст заинтересованность аристократии в развитии национальной экономики в целом и конкретных национальных предприятий, подкрепит желание служить государству, которое в свою очередь позаботится об обеспечении аристократической элиты.

Доход от предприятия, направляемый чиновнику, должен устанавливаться только в рамках существующих налогов – как небольшая их часть. При этом никакого участия в управлении предприятиями, никакого распределения «бонусов», никаких прочих поощрений быть не может. Кроме того, речь идет не обо всем чиновничестве, а только о национальной элите – этой форме современной аристократии, которой много дается, но с нее же многое и спрашивается. Отступление от интересов нации, использование служебного положения в личных интересах должны быть исключены, а верность нации гарантирована помимо факторов воспитания еще и тем, что в случае преобладания личного материальные потери и поражение в правах будут катастрофическими.

4.12. Опора на национализм

Говоря о германской экономике, Макс Вебер сформулировал общезначимый принцип: задача национальной экономики состоит в том, чтобы обеспечить преимущества

высокотехнологичным производствам перед мелкоторговой стихией «восточного базара» и перед финансовой и сырьевой спекуляцией с ее бесконечной коррупцией.

Победа высоких технологий над низкими, высших типов производственных отношений над низшими может быть гарантирована только активной ролью государства в экономике и защитой малого и среднего предпринимательства как от вторжения иностранных конкурентов, так и от подавления внутренними монополиями и произволом чиновников. Устранение государства из этой области означает неизбежный крах нации. Поэтому экономическая политика должна опираться на национализм.

Национальные стратегии экономического развития определяются традициями производительной деятельности, национальными инженерными и научными школами, ресурсным потенциалом каждой отдельно взятой страны. Сверх здравого смысла нет никаких универсальных законов экономики. Любая наперед заданная человеческим разумом закономерность реализуется в национальной модели экономики, где торжествует нация – ее разум и воля, а не олигархия с ее алчностью и страстью к лжи.

5. Служение добру

5.1. Олигархия и религии

Через веру человек постигает абсолютные истины, смысл жизни (зачем жить), в философии он ищет общие представления о себе и о природе (как жить), в науке – фундаментальные и прикладные знания о природе, обществе, индивиде (чем жить).

Мировые цивилизации рождены мировыми религиями. Современная цивилизация пытается ее отбросить и вместо вопроса о смысле жизни, вместо вопроса «зачем жить» внедряет в сознание людей культ денег. Воинствующий атеизм и равнодушный абсентеизм – это средства порабощения наций бюрократией и олигархией. Национальное самосознание, из которого изъята вера предков, лишается возможности осознавать разницу между свободой и рабством.

Идеи побеждаются только силой других идей. Поэтому мировая олигархия ведет наступление на мировые религии подспудно – внедряя заменители религиозного самосознания, превращая священные ритуалы в шоу, подменяя миссию служения Истине рабской покорностью перед якобы непогрешимым авторитетом первоиерархов. Священство и верующих склоняют к признанию «симфо-

нии» с погрязшей в пороке властью, говоря, что «всякая власть от Бога». Но забывают добавить, что власть бывает Божьей милостью и Божиим попущением за грехи. И второе нельзя принимать как Дар Божий. Когда не помогают увещевания, то угрозами и репрессиями понуждают к лояльности тех, кто склонен уступить олигархии – лишь бы сохранить возможность совершать религиозные ритуалы.

Путь многих подвижников указывает на возможность обретения Истины в индивидуальном акте спасения. Но это путь единиц, а не миллионов. А сегодня вместо объединения нации общей верой нам предлагают ограничиться индивидуальным духовным выбором, в котором каждый произвольно ищет ответы на вопросы бытия, никак не связывая себя с судьбой страны и ее историей. Подобное извращение духовной жизни касается и священства, становящегося кастой жрецов, оторвавшейся от религиозных корней и смысла своего служения. Разделяя свою жизнь на частную и публичную, они предпочитают провозглашать на словах вечные истины для других, но не утруждают себя следованием этим истинам. В этой среде олигархией всячески поощряется и культивируется стремление к материальному достатку и роскоши. Если кто-то из священнослужителей пытается воспротивиться, выступать в защиту канонов, его обвиняют в отступлении от веры и изгоняют как еретика.

Материализм, доведенный до фетишизма, стал религией, которую олигархия внедряет повсеместно, подрывая прежде всего мировые религии, ставшие духовной основой исторических наций. Создается «симфония» между церковной и государственной бюрократиями, в которой священству предложена постыдная роль усмирения национальных сил и проповеди безнационального мира. Дру-

гой стороной процесса разложения мировых религий является насаждение культа насилия, отбрасывающего всю глубину вероучения и оставляющего вместо религиозного самосознания только ненависть к «неверным».

Вера, застывшая в пустых словах, умирает в душе. Слова все еще произносятся, но догматам уже не служат. Именно поэтому религиозная риторика, которую пытаются брать на вооружение националистические организации, не оказывает воздействия на массы. Пустые слова без подвижничества никого не трогают.

Народ, дезориентированный религиозными деятелями, теряет возможность избавиться от культа денег и сползает в пропасть пошлости, насилия, бессовестности и бесстыдства. Люди превращаются в биомассу без культуры и истории, глумящуюся над образцами подвижнической жизни, клеймя ее за религиозный фанатизм. Все эти «индивидуумы», отрекшиеся от веры предков, от культурной, политической и родовой общности, составляют «клуб самоубийц», продавших душу олигархии, не живущих, а гниющих в преисподней, которую они сами себе создали на земле. И только бескорыстные подвижники не дают устроить ад кромешный для человечества в целом, мешают поставить последнюю точку в земной истории и соединить мир человека с царством греха.

5.2. Вера и идея прогресса

Человечеству пришлось пережить кровавые революции и войны, заплатив миллионами жертв, прежде чем для власти денег было расчищено социальное и географическое пространство, а религиозное мировоззрение подавлено. Начался этот путь от древнейших времен, от бунтарей, отрицавших нематериальное и клеветавших на

историю и традицию. Все их помыслы соединились в идее прогресса и догматах Просвещения. Прогресс естествознания обеспечил Европе контроль за всем миром, захват огромных колоний, создание системы мировой торговли. И возникла иллюзия, что помимо науки и техники человечеству уже больше ничего не надо, что именно в этом и есть его «естество». И европейские просветители предприняли ревизию всех существующих смыслов общежития, доведя Европу до кризиса религиозного мировоззрения и немыслимого в прошлые века кровопролития. С идеями Просвещения мир вошел в эпоху разрушительных революций и войн. На фоне нарастающего материального благополучия стал очевиден закат современной цивилизации.

Один из пропагандистских штампов, выработанных либералами и коммунистами, объявляет Средневековье временем мракобесия, «темными веками», продымленными кострами инквизиции. В действительности именно в эту эпоху под воздействием мировых религий сложились существующие ныне цивилизации, охватившие страны и континенты. Именно тогда произошло становление самобытного духовного мира и самобытных способов производства, присущих этим цивилизациям и предопределивших их развитие. Тогда же стали складываться социальные и политические общности, в конечном счете создавшие великие государства и великие нации, несущие на себе и поныне основное бремя мирового экономического развития и сохранения мировой культуры.

На почве различных деклараций, питавшихся идеями так называемых гуманистов, возникла идеология либерализма. Выдвинутые ею лозунги свободы, равенства и братства были подменой смыслов и дьявольским соблазном, прикрытым заботой о человеке. Разоблачение поро-

ков буржуазного либерализма стало причиной появления нового соблазна – пролетарского интернационализма и коммунизма, которые идейно повторяли большинство идей Просвещения, переиначивая их на свой лад и прославляя крах наций и государств как пролог «светлого будущего».

Объявляя от имени международной партии пролетариата войну буржуазной собственности, буржуазному обществу и эксплуатации, коммунизм, как и либерализм, имел в виду стремление к земному счастью, которое выражалось в сытости и праздности. Но, в отличие от лозунгов либеральных и их призывов к царству справедливого народного правительства, с которого начинали свой путь по миру в поисках счастья «демократы», признаком пролетарского счастья была провозглашена будущая всемирная ассоциация индивидов, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Что принесли человечеству два призрака, рожденные мятежным сознанием безбожников, – либерализм и коммунизм? Не прошло и двух столетий после провозглашения истин либерализма, как в тех странах, где ему удалось овладеть массами, господствующие высоты оказались в руках олигархии. Не потребовалось и ста лет коммунистического господства в странах, где людей вдохновили коммунистические идеи, как власть в этих странах была присвоена бюрократией, партноменклатурой. Надо ли напоминать, что сталось с идеями либерального счастья при олигархии, до какого уродства были доведены идеи пролетарского счастья под управлением коммунистов?

Попытка вытеснить религиозное сознание наукой не удалась ни либералам, ни коммунистам. Попытка подменить

веру в Бога верой в политическую идею, опустошила души людей и не привела ни к чему разумному и долговечному. Наука без системы ценностей, утвержденной в веках, исчерпала свои возможности. Идеологии выродились в догматический формализм фальшивых «ценностей» и фиктивных процедур, имитирующих народную поддержку издевательствам над здравым смыслом. Автономия человека от Бога не состоялась. Она лишь отделила человека от того, что спасало его в прежние эпохи: религии, нравственности, семьи, нации.

Общества, не связанные подвигом веры, созерцанием традиции, переживанием исторического прошлого, едиными представлениями о грехе и добродетели, неизбежно идут к своему краху. Будущее принадлежит тем, для кого вера, Отечество, нация, честь, долг, любовь выше земных благ и самой жизни.

5.3. Вера и знание

Крупнейшие ученые мира, основатели классической и современной науки были почти все без исключения верующими. И только те, кто стремился ниспровергнуть традиционное общество, противопоставляли веру и научное знание. В действительности вера и знание дополняют друг друга. В сознании человека они не существуют раздельно, поскольку знание добывается откровением, озарением, актом творчества. Религия создает творческий порыв и нравственный мотив научной деятельности. Религия создает условия для любви к знаниям, уважения к учености. Не случайно монастыри были центрами хранения знаний, а первые университеты не мыслили образование без теологии. Классическая система образования предусматривала понимание основ религии, традицион-

ная мораль передавалась подрастающим поколениям в семье – через приобщение к религиозному ритуалу и основным догматам веры. Современность кичится своим уровнем образования, своими знаниями о мире. В действительности отделение образования и науки от религии привело к духовному отупению и деградации культурного уровня. Слой ученых, создающих и поддерживающих современный уровень техники и технологии, стремительно сужается. Уравнительные демократические процедуры грозят сделать основную массу граждан чуждыми глубинам знания. И тогда рухнут не только моральные устои, но и вся инфраструктура цивилизации, обеспечивающая жизнь более сытную и безопасную, чем во времена, предшествовавшие индустриальной и научно-технической революции.

Олигархия стремится к тому, чтобы оторвать образование и науку от религии, развести пути Богопознания с миропознанием. Она заинтересована в том, чтобы манипулировать малограмотными рабами, заставляя людей потреблять «продукцию» СМИ. Тем самым олигархия, заполняя сознание граждан «пустой породой» своей пропаганды, лишает их элементарных знаний о мире и о самих себе. Мир под руководством олигархии катится в пропасть невежества и краха всех достижений человечества последних веков.

Жизнь и мир человека извечно разделены на добро и зло. История человечества всегда была схваткой между добром и злом. Но отдельному человеку не всегда дано определить, где пролегает граница в этой схватке. Блуждание в сумерках порой заводит человека в стан врага Божьего и человеческого. И сегодня чаще, чем когда-либо, потому что истина современному человеку открывается не на полях сражений и не в кельях мудрецов. Враг ро-

да человеческого стал изощреннее и хитрее, изобрел новые соблазны, предлагая взамен истины лукавое умствование и славу ученых званий, взамен подвигу – почести, воздаваемые по должности, взамен результатов труда – жалование и развлечения. Средства массовой информации насаждают жизненные стереотипы, разрушающие личность и погружающие человека в порок. В центре его ценностей оказывается не Бог, не цели нравственного совершенства, не духовный или ратный подвиг, а блажь развращенной натуры.

Либералы и коммунисты, отвергая религию, паразитируют на прежних достижениях мысли и на деятельности сложившихся в прежние эпохи научных школ. В своих собственных прогнозах, политических и экономических стратегиях они постоянно терпят поражение, но цинично объясняют все проблемы и кризисы, которыми сопровождается их деятельность, объективными обстоятельствами. Бюрократия, поглотившая обе по видимости альтернативные, но в действительности родственные концепции, использует их для одурачивания избирателей, предлагая им выбирать между «левыми» и «правыми», не меняя при этом ничего по существу. Фактически такой выбор лишает граждан возможности задуматься о смысле жизни и подчиняет гибельной политике жрецов «золотого тельца». И только духовно очищенное и просветленное знание позволяет увидеть за играми партий козни олигархии. Поэтому задача националистов – каждого в отдельности и всех организаций националистов – приобщаться к вере и знаниям лично и склонять к этому других. Это один из важнейших компонентов формирования национального мировоззрения и борьбы с диктатурой олигархии. Одухотворенная верой мысль творит будущее и оберегает нации от разрушения.

5.4. Солдаты империй

Религия не проповедует смирения перед злом и непротивления злу. Религия требует смирения перед Богом. Поэтому мировые религии создают империи. Нации, замкнувшиеся в себе, не ставящие себе общемировых задач, не ищущие союзников в государственном и культурном строительстве, быстро уходят в небытие. Нации, имеющие мироустроительные задачи, определяют будущее человечества.

Государственный идеал националистов – это государство-нация и государство-империя. Империя – высшая форма царства, объединяющего в своих границах большую часть самобытной цивилизации, охватывающей родственные народы. Империя – это земное царство, построенное по небесным заветам.

Глобалисты хотят единства мира без наций, хотят построить свою империю, в которой вместо национального ядра будет сатанинская секта, поклоняющаяся «золотому тельцу». Чтобы восторжествовать, глобалисты стремятся опорочить в глазах людей саму идею империи, представляя ее не хранителем цивилизации и распространителем веры, знания и культуры, а поработителем народов. Они хотят, чтобы нации не сплачивались, не объединялись, а бесконечно дробились – до той степени, пока мировой олигархии не будет противостоять всего лишь одинокий и жалкий индивид. Мир без империй – это мир всеобщего рабства, мир умирающих наций, культур, цивилизаций. Это мир без будущего.

Глобализм стремится разорвать связь народов с их духовными и культурными истоками. Ему нужен хаос, а империи не позволяют рассыпать мозаику наций, раздробить их. Тем самым империи препятствуют гибельным процессам, столь выгодным мировой олигархии.

Каждый, в ком не умерла искра Божья, может стать солдатом Империи. Быть воином – удел сильных духом людей, не поддавшихся дьявольским соблазнам и искушениям, возлюбивших ближних, как самих себя, посвятивших жизнь тому, ради чего не страшно умереть. Милосердие и мужество составляют честь солдат Империи, сопротивление злу силой – моральный долг.

Настоящий национализм отличается тем, что знает высшую меру всего, он понимает мироустройство, следуя не за жрецами, а за Богом. Такое служение освещает путь всем нациям и народам. Тот, кто пытается упростить свою жизнь, чураясь ответственности служения и усилий самообразования, рано или поздно впадает в заблуждение. И с путей, ведущих нации к благу и утверждению высших истин, переходит на пути, проторенные сатаной для ленивых, нелюбопытных и глупых. Там – гибель личности, нации, государства.

Нейтралитет невозможен, невозможно уклониться от схватки, которая проходит через твое собственное сердце. Теплохладное отношение к схватке, которая как будто происходит не с тобой, а где-то в стороне, – то же самое, что сочувствие злу.

Мы можем знать о «своих» и «чужих» по делам. Одни служат Богу и нации, другие им не служат. Одни рискуют собой: своей жизнью, благополучием, карьерой – и стремятся к результату. Другие подменяют результат обещаниями, которые никогда не выполняются, ложью, покрывающей их истинные цели. «Чужих» изобличает бесплодие в делах нации и чрезвычайная активность в делах личного обогащения.

Олигархия повсеместно насаждает бесчувствие и равнодушие, стремясь убить в людях даже саму мысль о добре, а с нею и мысль о Боге. Порожденные олигархией «прагма-

тики» вялы и скучны в сравнении с теми, кто сражается за веру и Отечество, кто искренне стремится к добру и благу для своих ближних: семьи, рода, нации. Противостояние злу – это путь воина. Только воитель остается свободным и не покоряется диктатуре олигархии. Эта жизненная позиция не имеет ничего общего с революцией. Первый революционер – сатана. Солдат Империи – из другого войска, из тех, кто живет заповедью «спаси и сохрани». Чтобы восстановить, а не разрушить, чтобы обустроить, а не разорить, нужен не только духовный порыв, но и высокий профессионализм, знания и дисциплина, а также способность объединять людей, используя их сильные стороны. Единство духа сильнее любого партийного формализма, но дух обретает силу в организованности, в сотрудничестве единомышленников, а не в бесплодных мечтаниях.

Надежда на бунт не может принести никаких плодов. Только рухнувшее государство слабее взбунтовавшейся толпы, а это крайняя степень упадка. Государственная власть должна быть сильнее любой другой силы, чтобы отстоять суверенитет и не позволить авантюристам подорвать его. Когда армия, полиция, чиновничество не захотят противостоять своему народу во имя интересов кучки олигархов, это и будет означать переход власти к националистам – без разрушительного бунта, без утраты государственности.

Солдатам Империи нет нужды тащить народ на баррикады и ратовать за гражданскую войну. Победа придет к тому, кто не обманом, а духом и разумением поведет за собой людей. Олигархия, прежде чем лишиться власти, должна быть лишена поддержки в глазах большинства людей, трудом которых живет государство. Слово правды подрывает несправедливость гораздо сильнее, чем бунтующие толпы, которые не видят грани между добром и

злом и лишь мстят без разбора. Нация, отбросив ложь олигархии, неминуемо победит. И эта победа даст ей правителей, способных созидать национальное величие и творить будущее нации.

Стать солдатом Империи – значит, вступить в пространство, в котором ведется непрерывный бой за Истину. Это борьба прежде всего с самим собой – с собственными соблазнами и предрассудками. Первая победа – это победа над собой, открывающая глаза: где законы Божьи, а где законы, навязанные людям бюрократией и олигархией – земными агентами сатаны.

Поле боя – душа человека. Заглянуть в свою душу и соотнести себя с абсолютными, вечными ценностями – непросто. Духовная работа происходит через преодоление себя, через усилия мысли и через деятельность. Прекратить усилия, пугаясь громадности задач, стоящих перед человечеством и отдельным человеком, – это капитуляция. Националист должен быть солдатом Империи – действовать, понуждать себя и других к добру, справедливости и благу. Приобретая глубокие знания, мы лучше понимаем друг друга и можем действовать в одном направлении. И тогда солдаты Империи соединяются в армию, утверждающую высшие истины в земном существовании наций и государств.

Стремление к частному материальному успеху в конце концов оставляет человека в дураках, показывая ему: что было успехом – является провалом, что казалось триумфом – было добровольным принятием рабского клейма. Только познание смысла жизни и борьба за Истину делает человека свободным, способным побеждать

6. Там, где правит нация

6.1. Искоренение олигархии

Олигархия добровольно не уступит своих позиций, даже если отдельные ее представители осознают пагубность своей роли и включатся в дело освобождения наций. Олигархия до своего смертного часа будет стремиться потребить возможно больше материальных благ, совратить как можно больше душ материальными соблазнами. Она пойдет на любые подлости и зверства, лишь бы сохранить порочную систему. И, даже издыхая, олигархия будет стремиться утащить в небытие народы и государства, оставляя после себя только мрак пустоты.

Все это означает, что нациям придется выдержать жесточайшую войну, проводимую против них самыми современными средствами уничтожения – теми, что направлены на изменение сознания, превращение унылого раба в радостного идиота, довольного своим положением. Этому оружию нации могут противопоставить силу Правды и Добра и объединение тех, кто органически не приемлет олигархии и навязанных ею жизненных стандартов, кто готов противостоять олигархии словом и делом.

Изничтожение олигархии необходимо осуществить прежде всего в той сфере, где она стремися угнездиться

особенно прочно, развертывая свою инфраструктуру, порабощая ею нации под прикрытием демократических лозунгов и псевдонаучной экономической риторики – в сфере финансов. Необходимо выстроить экономическую систему, в которой торговля деньгами и денежными суррогатами запрещена, а финансовые институты лишь обслуживают реальный сектор экономики. Запрет на сделки, в которых не участвуют товары, реквизиция капиталов, находящихся в ростовщическом и спекулятивном обороте (вне инвестиционного процесса), расчленение монополий и перевод государствообразующих производств под контроль нации – вот тот перечень минимальных мер, который должен быть обеспечен. Уничтожение олигархии внутри государства – это и недопущение монопольного захвата внутренних рынков и природных ресурсов. Создание даже незначительных препятствий свободному обращению товаров и услуг (за исключением подпадающих под государственное регулирование: наркотические вещества, оружие и т.д.) должно рассматриваться как покушение на свободу граждан. Захват рынков «удешевленными» продуктами питания (с заменой натурального продукта на суррогатный) должно рассматриваться как покушение на здоровье граждан.

Уничтожение олигархии в каждой отдельной стране зависит от готовности наций к сопротивлению своим поработителям и степени деградации международной олигархии. Каждая нация должна найти свой путь освобождения.

6.2. Разбюрократичивание

Победить бюрократию гораздо сложнее, чем олигархию. Бюрократия опирается на пороки человечества, разнузданные в XX веке с особой силой и уничтожив-

шие моральные устои целых поколений. Бюрократия не была бы возможна без готовности многих людей обслуживать ее, подобострастно заглядывая в глаза любому чиновнику.

Если общество развивается, если оно экономически свободно и поддерживает свою традицию, не позволяя порушить общественные институты, если сохраняется коллективная форма выработки значимых решений, то чиновничество не может переродиться в бюрократию. Но как только в обществе возникает трещина, когда возникают споры по поводу того, кто будет пользоваться плодами развития национальной экономики, бюрократия возвращается вновь. Пока идет схватка между «левыми» и «правыми», ортодоксами и реформаторами, бюрократия расцветает пышным цветом и поглощает все противоборствующие стороны.

Законодательство, созданное либеральными и «левыми» парламентскими партиями, имитирует справедливость, оставляя в реальной жизни лишь произвол чиновника, утратившего смысл своей службы. Абсурдное законодательство может быть исправлено и заменено разумной правовой системой только националистами. При этом чиновничество должно быть лишено права законодательной инициативы в сфере политического и экономического устроения общества.

Борьба с бюрократией в стратегическом плане требует формирования власти, полностью независимой от чиновника. На вершине власти нация должно утвердить либо верховного арбитра, которым может выступать монарх или представляющий народ верховный правитель, либо коллегиальное народное представительство. Все эти варианты непротиворечивы и могут совмещаться в одной системе государственного устройства и управления. Власть

народного представительства должна быть заведомо выше власти любого чиновника.

Для исключения бюрократизации народного представительства требуется прежде всего преодолеть догму о прямом и тайном голосовании избирателей за тех людей, о которых они лично ничего не знают и вынуждены пользоваться выдумками, которые им навязывают в избирательных кампаниях. Все голосования должны быть открытыми. Вышестоящие представительные органы должны избираться выборщиками, которым делегировано право избирать: от тех, из кого сформирован нижестоящий уровень представительства.

Вопросы установления правил и норм работы местного самоуправления, политической и экономической конкуренции решаются без участия чиновника.

Второе условие преодоления бюрократии – отделение чиновника от общества и резкое сокращение численности чиновников. Современные средства коммуникации и компьютерные программы учета позволяют содержать компактный госаппарат, в десятки раз меньший, тот, который сегодня вынуждены содержать своим трудом граждане. Сокращение численности чиновничества должно сопровождаться введением строгих регламентов их деятельности, а также четким определением: чиновник обязан действовать строго по закону, а исполнение противозаконной инструкции должно расцениваться как соучастие в правонарушении. Напротив, для гражданина обязателен только закон и решения народных собраний, утверждающие условия местного общежития. Установления исполнительных органов власти к ним не должны иметь никакого отношения и издаваться только для чиновников. Статус чиновника – только деятельный исполнитель, имеющий право отдавать распоряжения только своим подчиненным

и только на основании закона. Принимают решения только те, кому это доверено народом. Вмешиваться в процесс законотворчества чиновнику должно быть строжайше запрещено.

Третье условие – уничтожение всех корпораций чиновников, даже тех, которые имитируют общественную жизнь. Чиновник должен исполнять свою функцию и не иметь никаких иных взаимоотношений с сослуживцами, помимо определенных должностной инструкцией. Родственные связи, деловые контакты в госаппарате и других системах управления страной должны быть исключены. Владеть собственностью чиновник имеет право только в размерах, необходимых ему для поддержания определенного стандарта жизни. Всё сверх того должно поступать для хранения или использования специально созданными государством учреждениями.

Уничтожение корпораций чиновников должно начаться с ликвидации профессиональной корпорации судей, которая в силу либеральной догмы поставила судей вне критики и закона, стала самым удобным инструментом обслуживания олигархии и бюрократии. Справедливый суд в таких условиях невозможен, поскольку народное понятие о справедливости не проникает в сознание судей, независимых от народа и его традиций. Суд должен формироваться гражданами, имеющими необходимый жизненный опыт и знания, которых общество привлекает на судебный процесс в порядке исполнения общественной обязанности. Судить должны добропорядочные граждане, состав суда должен формироваться на каждый судебный процесс по тому же принципу, как ныне формируются коллегии присяжных заседателей. Споры между предпринимателями должны решаться третейским судом, формируемым самими спорящими сторонами и предпринимательскими союзами.

Скорый и справедливый суд возможен только при упрощении законодательства, его кодификации и внимании к прецедентам, которые соединяют право с жизнью. Придется пересмотреть тысячи бесполезных и даже вредных законов, принятых за последние полвека, а рассмотрение проблемных ситуаций и принятие решений по ним отнести к компетенции общин, сформированных гражданами по месту жительства.

Подавление бюрократии и «закручивание гаек» в отношении общественных отношений, препятствующих развитию нации, должно сопровождаться возвращением гражданам широких политических прав и свобод, которые позволяют им вступать в открытые дискуссии и выражать свое мнение. Для этого силовые структуры должны быть лишены какой-либо политической функции и направлены исключительно против внешней угрозы и уголовной преступности, а средства массовой информации (прежде всего общенациональные каналы телевидения) сначала национализированы, а потом переданы в управление общественным советам.

В такой системе аппарат чиновников будет служить обществу, а за верность и преданность нации чиновнику и его семье будет гарантирован достойный уровень жизни как при исполнении возложенных на чиновника обязанностей, так и после ухода в отставку.

По мере разоблачения и демонтажа бюрократии, ее ставленники будут использовать самые бесстыдные методы, дабы сохранить свои властные полномочия. Бюрократия готова выстраивать международные отношения с другими странами, захваченными олигархией, так, чтобы вооруженные силы из этих стран могли прийти ей на помощь и «гуманитарными интервенциями» отнять суверенитет у освобождающейся нации. Поэтому национальным силам

потребуется решимость в борьбе с корпорацией чиновников, готовность пресекать их солидарные действия, направленные против интересов нации.

Уничтожение бюрократии и недопущение ее возникновения требует от нации повседневных усилий. Закон превосходства нации над бюрократией – это закон ее развития.

6.3. Нейтрализация интеллигентского нигилизма

Если нация монолитна и может направлять экономические и социальные новации на созидательные цели, а не на распри религиозного или идеологического характера, то она крепнет и развивается. Если возникающие противоречия между новациями и традициями невозможно направить в конструктивное русло, то возникают центробежные силы, разрывающие устои нации и разделяющие общество. Эти силы поддерживаются мировыми олигархическими кланами, которые пользуются космополитизмом и беспочвенностью ориентиров социальных групп, переставших ощущать под собой опору в отечественной истории, традиции, вере. Олигархия подкармливает нигилизм своими ресурсами.

В каждом обществе появляются нигилисты, отвергающие устоявшиеся нормы и традиции. Но только XX век дал нигилистам невиданный простор для разрушительной деятельности. Многие интеллектуальные силы в XX веке приобрели место в обществе исключительно на эксплуатации разрушительных лозунгов, на пропаганде антинациональных теорий и проповеди веры в «золотого тельца».

Эпоха освобождения наций должна загнать опасных беспочвенных фантазеров в информационные резервации и избавить общество и государство от их тлетворного воздействия. Только тот, кто связан со своим народом через

семью, веру, службу, а также землю и имущество, включенные в воспроизводство нации – ее материальных и духовных богатств, – должен определять, какие идеи распространяют средства массовой информации.

Расколы нации по религиозному или социальному принципу постоянно организуются силами, которые в этом видят свою выгоду и миссию. Поэтому духовное здоровье нации должно находиться под надежной защитой, а массовое распространение информации не должно пропагандировать произвольно явившееся частное мнение, идущее вразрез с моралью и традицией. Само общество должно контролировать свое состояние и пресекать попытки раздробления на непримиримые группировки. Нация должна выбрать из своих рядов самых авторитетных людей для цензурных комитетов, призванных пресекать пропаганду нетрадиционных культов, алчности, эгоизма и безнравственности.

По той же причине национальные силы должны поставить под контроль систему образования. В эту систему должны быть включены ведущие средства массовой информации, которым определены основные функции: информировать, просвещать, образовывать, воспитывать. Система школьного образования вместе с семьей должна формировать из ребенка полноценного гражданина, способного жить самостоятельно и отвечать за свои поступки. Именно через систему образования необходимо закладывать в сознание людей понимание ответственности каждого за состояние нации, неприемлемости уклонения от выполнения общественных обязанностей и уступок олигархии. Система образования должна преподносить детям в школьные годы выверенные стандарты религиозных, исторических, литературных, естественнонаучных знаний, необходимые для самостоятельной жизни умения; молодым людям в вузах и

университетах – научные знания мирового уровня и основные методики их творческого применения.

Воспроизводство нации можно обеспечить только при условии образования нового слоя профессуры и учительства, который формируется из лиц, склонных к данной профессии и владеющих необходимыми знаниями и навыками. Этот слой, обогащенный национальным мировоззрением, способен воссоздать нацию, в которой не будет «потерянных поколений» и брошенных на произвол судьбы социальных групп, не будет нигилистов, ненавидящих свою страну с младых ногтей. Учитель и профессор должны создать из массы дезориентированных детей и молодых людей нацию новой эпохи – нацию творцов и тружеников, руководимую национальной элитой.

6.4. Собирание нации

Будущее нации зависит от ее духовных и физических сил, от глубины единства, численности нации, ее здоровья, интеллекта, качества жизни, творческого потенциала, мощи национальной экономики, обороны, правильности стратегических решений государственной власти и эффективности повседневного управления.

Кому Бог даровал возможность видеть глубину общественных и экономических процессов, кто получил необходимые знания, тот приобретает и более высокую ответственность перед своим народом и нацией – служить нации на государственной гражданской или военной службе, участвовать в органах народного представительства, добиваться справедливости в судах в роли народного представителя. Не будет служения – не будет и нации.

Служение находится в глубоком противоречии с интересами олигархии, бюрократии и беспочвенной и безрод-

ной интеллигенции. Эти враги нации обозначены в структуре современных обществ достаточно отчетливо, и принадлежность тех или иных личностей к этим силам выявляется с высокой степенью достоверности. Это облегчает националистам определение своего противника и задачу собирания собственных сил. Все, что ослабляет нацию и усиливает олигархию и бюрократию, все, что способствует отвлечению нации от ее насущных задач и захвату сознания людей идеями и образами, не имеющими ничего общего с интересами нации, означает сотрудничество с врагами нации в пособничестве силам зла.

Если частный интерес возобладает над национальным, то, выйдя за пределы своего дома, каждый столкнется с ужасающей действительностью: разгулом преступности и нищетой, бесправием и неволей, обманом и аморализмом. Даже сохранив иной мир в стенах своего дома, гражданин не избавляется от погружения в жизнь, полную страданий. Его потомки обречены испытать муки, которые приготовлены пассивными уступками врагам нации. Поэтому сбережение нации является общим делом, прямо связанным с интересами каждого, кто в состоянии осознать эти интересы.

Как только нация перестает видеть высшие цели своего земного существования – утверждение добра и справедливости, – взамен им внедряются цели временные, недостойные, а порой и просто губительные, она отдает себя под контроль олигархии, выжимающей из нее последние соки. Поэтому тот, кто хочет жить в благополучной стране, обязан встать в ряды национальных сил, оказывать им посильную помощь в деле защиты, сбережения и развития нации. Националисты, собирая нацию, концентрируя ее духовный, творческий и трудовой потенциал, готовят условия к тому, чтобы нация обрела свободу, а ее поработители потерпели сокрушительное поражение.

7. Национальное единство

История человечества объединила людей сначала в бесчисленные племена, затем в несколько тысяч народов, заселивших континенты Земли. Народы, сливаясь или обосабливаясь, создали политическую форму своей самоорганизации – государство. Когда государственные дела становились общим делом всех, возникали нации. Связь между народами сохранялась через великие культуры, объединявшие многие государства в цивилизации. Исторические нации, предопределявшие путь человечества, создавали великие государства, великие империи. Разрушителем империй становится глобальная олигархия, стирающая с карты мира государственные границы, нивелирующая культуры, попирающая исторические достижения наций.

История человечества была историей столкновения государств, мировая политика – столкновением интересов правителей и стоящих за их плечами закулисных групп. XX век стал эпохой войн между нациями, которые помимо своей воли столкнулись в тотальной войне. Появление оружия массового поражения вынудило человечество переосмыслить многие формы соперничества, заставило отказаться от тотальных войн. Но появление глобальной финансовой системы и мировой олигархии привело к новым формам войн, которые ведутся теперь не между нациями, а против всех наций. Разложение моральных основ общества, деградация культуры, этнические мятежи, измена правительств, подрыв экономической самостоятельно-

сти – эти и другие методы олигархии направлены на тотальное подчинение наций внешнему управлению.

Эпоха столкновения наций оставила для олигархии удобный инструмент их порабощения – бюрократию, эпоха Просвещения – космополитическую интеллигенцию, сплоченную ненавистью к Традиции. Практичный материализм прежних исторических периодов в системе управления, образования, воспитания переродился в тотальную утопию единообразного управления человечеством на основе универсальных принципов. Главным принципом, скрытым за гуманистической риторикой, оказался принцип тотальной лжи и аморализма, разлагающий национальное самосознание.

Олигархию, бюрократию и интеллигентов-космополитов страшит свободная мысль, которую они постоянно хотят оболгать, а национально мыслящих людей устрашить, подавить полицейским или судебным насилием.

Чтобы поработить нации, их изолируют от традиций и знаний, обрабатывая психику людей повседневной пропагандой. На решение этой задачи брошены огромные ресурсы, сконцентрированные грабежом, коррупцией, финансовыми махинациями. Но на стороне националистов – сила правды, которая неизбежно берет верх в борьбе за умы. Несмотря на насилие глобальной олигархии, сознание наций сильнее власти денег, а построенная на этой власти система пожирает сама себя. В свою могилу она стремится утащить и все человечество. И только национализм противостоит этому всеобщему «концу истории», открывая нациям новую эпоху – эпоху свободы, достоинства и процветания.

Что могут противопоставить национализму его противники?

Вместо власти идей – тиранию доктринеров, вместо власти закона – деспотизм бюрократии, вместо долга и чести – беспощадную, кровожадную диктатуру денежных

мешков. Таков характер политических, экономических и духовных отношений, насаждаемых олигархией.

Наглость, жестокость, коварство, догматизм – вот основные черты современной бюрократии, растаптывающей национальные интересы, богатеющей на измене и коррупции.

Цинизм вместо веры, «прогресс» вместо культуры, «модерн» вместо традиции, варварство вместо цивилизации – таковы подмены «постмодернистской» космополитической интеллигенции.

Чего хотят они – эти жрецы и надсмотрщики «мирового порядка»? Они хотят перемешать народы, упразднить государства, отбросить в прошлое национальный суверенитет, убить высокую культуру, опошлить человеческие отношения, стереть духовный мир человека. Их цель – всемирное рабство под управлением интернациональной олигархии.

Задача национализма – нанести поражение олигархии, отнять у нее экономический и политический базис, подавить бюрократию и сделать чиновника слугой нации, защитить духовную свободу от болезнетворных измышлений беспочвенной интеллигенции.

Война, развязанная олигархией против наций, должна быть стимулом для национальной консолидации и совместной борьбы наций против порабощения. Объединению олигархий следует противопоставить союз суверенных наций, глобализму – национализм.

Олигархия не сдерживается никакими моральными ограничениями или юридическими условиями. Это жестокий и коварный враг, который не знает пощады. Он никого не щадит, а значит, и сам не достоин пощады.

Национализм выкорчует это мировое зло. Ангелы вострубили, отметив начало новой эпохи – время борьбы наций за свободу.

Воля нации вместо диктатуры олигархии!

Оглавление